

ВОСПОМИНАНИЯ

**Гавриил Иванович
Мазаев**

ВОСПОМИНАНИЯ

Г. И. Мазаев

Гавриил Иванович Мазаев

ВОСПОМИНАНИЯ

Гавриил Иванович Мазаев
Воспоминания

© 1992 «Свет на Востоке», набор и оформление

ЧАСТЬ I

ОБРАЩЕНИЕ

«Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу» (Пс. 113:9).

ДЕТСТВО

Родился я в октябре 1858 года в семье зажиточных молокан Таврической губернии, в селе Нововасильевке.

В 1867 году родители мои переселились в вольные степи Кубани, где занимались овцеводством.

В необъятной степи, по соседству с многочисленными стадами овец, прошло мое детство. Грамоте я обучался дома. Первым моим домашним учителем был хромой крестьянин, который, по неспособности к крестьянской работе, учил в экономиях детей, но учить ему пришлось недолго. После него учителем был разжалованный офицер лейб-гвардейского полка Петр Иванович Осипов, участник защиты Москвы от нашествия французов. В свободное время Осипов любил рассказывать про разные случаи из военной жизни. Много говорил про Наполеона и особенно любил

рассказывать про жизнь государя Александра I, при воспоминании о котором Осипов всегда плакал.

Во время Отечественной войны 1812 года Осипов был в составе русских войск в Париже, где на досуге посещал религиозные собрания гугенотов, которые ему очень нравились.

Однажды Осипов сказал, глядя на меня:

– Гаврюша, когда ты вырастешь, станешь взрослым, то молоканином ты не будешь.

– Что же, я буду православным?

– Нет, и православным ты не будешь.

– А кем же я буду?

– Будет новая христианская религия, которая поглотит все другие религии, – таинственно пояснил Осипов.

Учителя своего я любил и с удовольствием слушал его рассказы о военной жизни и всему, что он говорил, верил. Поверил я и предсказанию Осипова о новой христианской религии, которая должна быть выше всех других религий. К сожалению, Осипов тоже недолго был учителем у нас, и мне больше не пришлось учиться грамоте.

В 16 лет у меня проявилась жажда к чтению Слова Божия. Мне хотелось изучить и понять Слово Божие, чтобы определить истинное течение ожидаемой мною новой религии; но я много из прочитанного не понимал. Помочь мне разъяснением и советом было некому, и я оставил чтение Слова Божия, непонятого мною.

ПЕРВЫЙ ТОЛЧОК

В 1879 году, 20 ноября, я был на призыве в селе Нововасильевке и зашел в кузницу, где кузнец оковывал сани моего брата Дея Ивановича.

– Смотри, хорошенько оковывай сани, ведь ты их делаешь для нашего брата, – проговорил один из присутствующих.

– Какой вам Дей Иванович брат? – спросил я.

– Духовный брат: он хочет принять крещение по вере.

– Мне стало больно и обидно, что брат мой хочет принять водное крещение, которое мы, духовные христиане (молокане) отвергали. Я знал, что брат Дей Иванович читает Слово Божие и заботится о спасении своей души, но не мог допустить, что чтение Слова Божия приведет брата к принятию водного крещения.

После долгого размышления о слышанном в кузнице я решил поговорить с братом и переубедить его, не считаясь с тем, что Дей Иванович был старше меня. Воспитанный в молоканской семье, я смотрел на водное крещение по-молокански. Я думал: «Примет брат мой водное крещение, прогневит этим Бога и навеки погибнет. Ах, как мне жаль его, как жаль: поеду, поговорю с ним». И я поехал к брату с искренним желанием предостеречь его.

Приехал к брату вечером. До ужина с ним не пришлось поговорить о крещении, а после ужина Дей Иванович пошел к себе в комнату, а я вышел во двор. Ночь была тихая, морозная, воздух легкий, и я решил

дольше побыть на свежем воздухе. Ставни у окон дома были затворены, и лишь одна ставня в комнату брата не была плотно притворена. Случайно взглянул я через неплотно закрытую ставню и увидел, что Дей Иванович стоит на коленях и молится, чего у нас в семье никто раньше не делал. Это поразило меня, и я решил не говорить с братом о крещении. Я видел, что брат ищет истину не просто только в чтении Слова Божия, но и в молитве. Совесть стала укорять меня: «Брат молится Богу, а ты, не молясь Богу и не ища поддержки свыше от Бога, хотел было увещевать его. Имеешь ли ты на это право?» Нет, не имею, я не молюсь, брат молится. Господня воля да будет над ним. Так, не поговорив с братом о крещении, я вернулся домой.

После этого Дей Иванович, очевидно, также с целью беседы, однажды приехал ко мне вместе с баптистом Андреем Марковичем Мазаевым. Вечером Андрей Маркович пробовал начать беседу, но она мало интересовала меня, и я посоветовал гостю отправиться в деревню, где живут хохлы, и проповедовать им. «А мы и без вас хорошо знаем истину», – сказал я гостю и лег спать. В этой же комнате, где я лежал, они молились Богу перед отходом ко сну, и жена моя преклонила с ними колени, но молитва их не трогала меня. Утром, когда они уехали, жена говорит мне:

– Станный человек этот баптист: как сидел, так и бухнулся на колени и молился о детях и о жене, и чего только не насобирал он в молитве.

Они уехали, а я так и остался в равнодушном состоянии.

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ – БОГУ

Мне было 24 года. В один из воскресных дней я отправился на охоту с моими служащими молоканами. Мы убили две дрофы и сделали привал для отдыха. Во время отдыха один из служащих сказал:

– Баптисты не позволили бы ехать на охоту в воскресный день и убивать птицу.

– Почему так? – спросил я.

Чтобы было понятнее, он привел пример:

– Вот я, ваш служащий, взялся у вас убирать хлеб из четвертой копны, а вместо всей четвертой копны отдал бы вам пятую или шестую часть. Хорошо бы я сделал?

– Нет, нехорошо, – ответил я.

– Так вот, Бог сказал: «Шесть дней работай на себя, а седьмой день посвящай Господу Богу твоему», а мы и седьмой день не хотим отдать Богу, и в этот день для своего удовольствия бьем ни в чем не повинную птицу. Баптисты день воскресный весь посвящают Богу: читают слово Божие, молятся, посещают больных и духовно ослабевших, другими делами по заповеди Божией занимаются. Вот как они проводят воскресный день, а мы как?

Я ничего не сказал, но глубоко задумался и с этого раза решил в воскресный день больше не работать и на охоту не ходить. Даже сельскохозяйственную жизнь я начал вести в рамках закона Божия, и по воскресным дням сам не работал и своим служащим не позволял.

В тот год у меня в экономии было посеяно много

пшеницы. У моего дяди Тимофея Гавриловича Мазаева по соседству со мной был также посев. Пшеница наша поспела к жатве, и дядя послал в воскресенье за косарями в село Средний Егарлык. В этот же день мы увиделись с ним после собрания, и он спросил меня:

– А ты послал за косарями?

– Нет, не послал. Я в воскресный день не работаю.

Дядя и бывшие тут молокане насмешливо подхватили: ну-ка, ну-ка, начинай жить по-Божьи.

Дяде ответ мой очень не понравился, и вечером он приехал наставлять меня:

– Ты знаешь, ведь один день дорог, пойдут ветры и выбьют пшеницу; из-за одного дня вы можете остаться без хлеба.

– Бог пошлет, что мне надо, – спокойно отвечал я дяде на его увещания.

Мое спокойствие вывело дядю из терпения, и он стал грозить мне, что он пожалуется на меня отцу. Жили мы на разных заимках, но хозяйство у нас с отцом и братьями в то время было общее. Угроза дяди меня не пугала, я твердо верил в верность Божию, и моя вера явно подтвердилась скорой Божией помощью.

В понедельник из другой местности, из станицы Незамаевки, мимо меня поехали в Егарлык наниматься косари и по пути, заехав ко мне в имение, спросили: «Не надо ли вам косарей?» И я вместо нужных мне 200 человек, никуда не выезжая, нанял 450 косарей и весь свой хлеб убрал в два дня. После уборки своего хлеба я поехал к дяде и спросил его:

– Не надо ли тебе косарей?

Дядя ответил: «Очень нужно! В воскресенье мы наняли только 20 косарей, а мне их нужно 200... А у тебя разве есть?»

– Есть.

– Где ты их взял? – подозрительно спросил дядя, думая, что я шучу.

– Бог послал, – отвечал я.

– Нет, в самом деле?

– Бог послал, – настаивал я.

– Ну если есть – посылай, – согласился дядя, все еще недоверчиво относясь к моему предложению.

Я послал ему косарей. С тех пор он ничего уже не говорил мне из-за празднования воскресного дня.

ГЛАВНОЕ: МИР С БОГОМ

В мае 1883 года тяжело заболел мой тесть. Я поехал навестить его. Моему приезду тесть обрадовался и попросил меня прилечь около него на диване. Когда я прилег, он спросил меня:

– Как мне быть? Я сильно болен и скоро умру... Силы мои оставили меня, а в Евангелии сказано: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мк. 16:16). Баптисты говорят и делают так, а молокане говорят, что крещение не нужно... Что мне делать? Я умру, и примет ли меня без этого Господь? – сказав это, он заплакал.

В это время приехал навестить больного баптист Михаил Дмитриевич Колосков. Тесть был рад ему.

Колосков поздоровался и сел возле больного. Тесть и к нему обратился с тем же вопросом.

– Что мне делать? Я скоро умру... В Евангелии написано: «Кто будет веровать и креститься...», а молокане говорят, этого делать не надо. Ради Бога, скажи мне, Михаил Дмитриевич, где истина: у молокан или у баптистов?

– Истины не имеют ни молокане, ни баптисты, истина только у Бога. Сначала каждому человеку нужно найти мир с Богом, а его ни молокане, ни баптисты дать не могут. Если же человек не имеет мира с Богом и не получил от Бога прощения своих грехов, то все равно он погибнет, будет ли он баптистом или молоканином, – ответил Колосков.

Тесть снова горько заплакал и сквозь рыдания с болью в душе, говорил: «Господь видит мое состояние, и, может быть, Он меня примет?»

Я согласен был с Колосковым, что истина у Бога и что главное – это найти мир с Богом, и стал размышлять об Иуде, который, не имея мира в душе и внутренней связи с Господом, погиб, хотя и был Апостолом. Так и у меня, – думал я, – нет мира, и останусь ли я молоканином, буду ли баптистом, без мира с Богом все равно погибну. Эти мысли так овладели мною, что я не мог оставаться в комнате и вышел на улицу, и долго ходил по двору.

Предсмертные вопросы тестя и ответ Колоскова произвели на меня сильное впечатление, и я не мог отделаться от них ни днем, ни ночью. Я думал, что и мне нужно установить мир с Богом, пока не поздно.

МОЛИТВА ЧАДА БОЖЬЕГО

В августе 1883 года я поехал с Гавриилом Тимофеевичем Мазаевым на базар в Средний Егарлык Ставропольской губернии. По пути мы заехали к тете Софии Гавриловне Мамонтовой. У нее гостил Михаил Дмитриевич Колосков.

Вечером, перед отходом ко сну, нас пригласили на молитву. Мы пошли, полагая, что это будет обыкновенная молитва, как молились у нас молокане. Когда мы собрались, Колосков сразу предложил преклонить колена. Для меня это было ново, потому что у нас, молокан, начинают молиться стоя, а затем становятся на колени, потом встают и опять становятся на колени – и так повторяется девять раз. Когда опустились на колени, Колосков начал молиться. Что это была за молитва? Я первый раз слышал такую молитву! Она исходила от сердца и была так по-детски искренна, что произвела на меня неотразимое впечатление, и моя душа молилась вместе с Колосковым. Я переживал что-то новое и необыкновенное для меня, и, когда услышал «аминь», не хотел подниматься с колен и жалел, жалел, что молитва так скоро окончилась.

После молитвы мы с Гавриилом Тимофеевичем вышли на улицу освежиться.

– Вот молится так молится, не как наши старички-молокане – псалмами. Если нужно молиться Богу, то молиться нужно именно так, – проговорил Гавриил Тимофеевич.

Я с ним был вполне согласен. Поутру нам нужно

было рано ехать на базар, но мы не поехали, а дождались, когда встанет Колосков и будет молиться. Колосков и на этот раз молился вдохновенной молитвой. Под впечатлением его молитвы мы уехали на базар. Дорогой говорили о силе молитвы, о покаянии, находили, что нам необходимо покаяться и начать новую жизнь; но покаяться для меня было очень трудно – я был страстный охотник, и мне не хотелось оставить ружье.

На базаре мы управились скоро и могли бы рано вернуться к тете Софии Гавриловне; но мы не желали рано вернуться из боязни, что тетя не оставит нас ночевать у себя и отправит домой, а нам так хотелось остаться ночевать у тети, чтобы еще послушать, как будет молиться Колосков. Мы намеренно тянули время и приехали к тете вечером. С радостью мы опять присутствовали при молитве Колоскова вечером и утром. По дороге домой мы начали говорить о путях Господних, говорили о покаянии и обращении к Богу.

– Молиться нужно так, как молится Колосков, и с этого нужно начинать, – говорил Гавриил Тимофеевич.

– Но что делать в то время, когда собьешься со слов, с мысли, кто направит тогда? – сказал я ему.

– Нет, – говорил он, – если станешь молиться, то не запутаешься: Дух Бога научит.

Так разговаривали мы дорогой. Истина одна, и мы сознавали это и искали путь к этой истине. Мы погрузились в размышления о том, как установить правильные отношения с Богом, чтобы иметь мир в своем сердце.

После молитв Колоскова душа моя молилась несколько недель. Вслух я еще не мог молиться, но душа моя долгое время переживала молитвенное состояние. Мысли мои приняли другое направление. Охота и ружье были забыты.

ВСЕ БЛИЖЕ ПОДХОДИТ ГОСПОДЬ

В конце сентября того же года ко мне приехала мать, которая жила с отцом верст за двести от меня. Во время пребывания у меня мать не один раз начинала говорить со мной о баптистах.

– Гавруня, познакомься с баптистами, – говорила она. Они проповедуют чистое евангельское учение – молятся Богу правильно, живут свято. Если эти люди не будут в Царстве Небесном, то из молокан и подавно никто там не будет.

– А в чем различие между баптистами и молоканами? – спрашивал я мать.

– Баптисты принимают крещение в воде, и много наших молокан пошли к ним.

Мне не очень нравилось водное крещение, и я думал о крещаемых: «Туда им и дорога».

Мать моя поговорила со мной о баптистах и уехала.

Вскоре после ее отъезда приехал ко мне мой родной брат Василий Иванович. Он возвращался из Нововасильевки, куда ездил на призыв новобранцев, и там, между прочим, посещал собрания баптистов. Слово Божие, слышанное им на собраниях баптистов, произ-

вело на него действие, и он там обратился к Господу. Вечером мы долго разговаривали о разных делах. Уходя на покой, я сказал ему:

– Ваня, иди спать.

– А ты разве Богу не молишься? – спросил меня брат.

Я не знал, что ответить на этот вопрос. От стыда меня бросило в жар, и я растерянно сказал:

– Я молиться не умею.

Брат встал на колени и начал молиться за меня и за других братьев. Я тоже встал на колени, но слов молитвы у меня не было.

Зимой скончалась знакомая женщина, наша соседка, и мы с женой поехали на ее похороны. Гостей было много, и по обычаю там состоялось собрание. Когда на собрании проповедовал Захаров, то слово Божие глубоко проникало в меня и мне казалось, что вся его речь обращена лично ко мне. Когда мы с женой приехали с похорон, она заявила мне:

– Туда я больше не поеду, что это проповедник взялся меня конфузить при всех?

На других санях туда же ездили с нами двое рабочих. По дороге из собрания один из них, православный, выбросил весь свой табак, вытряхнул карманы и сказал:

– Если это грех, так довольно курить, не хочу больше.

Другой рабочий, молоканин, поделился:

– Ну напал на меня брат, наверное, про мою жизнь ему рассказали.

Это было первое собрание, на котором я ощутил на себе такое сильное действие Слова Божия. Господь подходил ко мне ближе и ближе.

СТРАННЫЕ ВОПРОСЫ

В ноябре месяце опять ко мне приехала мать. Настала ночь, все затихло, мы остались одни. Мать, обращаясь ко мне, со слезами сказала:

– Гавруня, познакомься с баптистами. Они проповедуют истину, молятся Богу правильно, живут свято.

Просьба и слезы матери так тронули меня, что я решил основательно познакомиться с баптистами, но не знал, где, с кем и как. Мать и в этом случае помогла мне: она поехала в Таврическую губернию и, найдя там баптистов, усердно просила, чтобы кто-нибудь из них посетил нас.

По ее просьбе в конце ноября в наш край приехал Василий Гуреевич Павлов и заехал в имение к брату Дею Ивановичу. Узнав о прибытии В. Г. Павлова, я с женой поехал к брату познакомиться с ним. В воскресенье утром, при восходе солнца, я сидел в комнате брата. Ко мне подошел Василий Гуреевич, сел рядом и спросил:

– Кто ты по убеждению?

– Я молоканин, брат Дея Ивановича, – ответил я.

– Любишь ли ты Христа?

Мне этот вопрос показался странным, и я смущенно ответил:

– Я этого не знаю.

– А любит ли тебя Христос? – снова спросил Павлов.

Я отодвинулся от Павлова вместе со стулом, так как считал его великим грешником за то, что он ставит такие вопросы, на которые нечего ответить, и я неохотно, еще с большим смущением сказал:

– Я этого не знаю.

На этом разговор наш окончился. Весь день мы провели вместе, но я сторонился Павлова и не хотел с ним говорить, а вечером, в ночь, не взирая на падавший снег и поднимающуюся метель, уехал домой.

Когда мы выехали, жена спросила меня:

– Почему ты не остался поговорить с приезжим человеком? Это ты сделал нехорошо.

Я и сам сознавал, что сделал нехорошо, но боялся приезжего Павлова, как бы он снова не стал мне задавать такие странные вопросы.

Дорогой снег усилился, и поднялась сильная метель. Я почти не замечал метели и всю дорогу плакал и осуждал себя и проповедника. «Зачем он предлагает неуместные вопросы и ставит в безвыходное положение своего собеседника? – думал я. – Если он знает это трудное положение, то лучше разъяснил бы и растолковал то, что мне кажется неясным и непонятным, – укорял я себя за свое нерадение к Слову Божьему. – Прожить 26 лет и не прочитать Евангелия, разве это не позорно? Может быть, в Евангелии написаны ответы на все мои вопросы, а я даже и не брался за него», – досадовал я на себя.

Мучения все глубже и глубже проникали в мою душу. Вопросы Павлова: «Любишь ли ты Христа? Любит ли тебя Христос?» – не давали мне покоя, и я не мог найти на них ответа.

Из всех проповедей, произнесенных Павловым на собраниях, в моей памяти остались и глубоко врезались слова: «Молитесь Богу, и Он откроет вам спасение». Со мной происходило что-то непонятное. Дома я не мог ничего делать и даже ни на что не хотелось смотреть. Одного я желал – найти мир с Богом, и после долгих мучений я понял, что мне нужно начать молиться Богу.

В эти дни ко мне приехал мой товарищ Гавриил Тимофеевич, взял меня за руку, с улыбкой посмотрел мне в глаза и спросил:

– Что с тобой, тезка? Не задумал ли ты в монахи?

– Я теперь шутить не могу, – со слезами ответил я.

В то время я решал вопрос моей духовной жизни – жить или умереть? Гавриил Тимофеевич, понимая состояние моей души, не стал меня больше расспрашивать и беспокоить – напился чаю и уехал.

Немного спустя, приехал двоюродный брат Тимофей Корнеевич Симонов и тоже спросил меня:

– Что с тобой? Что невесел?

Я не мог открыть ему моих переживаний. Симонов тоже недолго побыл у меня и уехал.

ГОСПОДЬ ПРОСТИЛ

После отъезда Симонова я пошел в кладовую, где хранились разные продукты. Зимой эта комната не протапливалась и была холодная. Я зашел в нее, запер за собою дверь и решил открыть Господу состояние моей души. Но в этот раз я молиться не мог. Вышел из кладовой, не помолившись, и в волнении начал ходить по двору. Так мучительно прошел этот день. На другой день муки души усилились. Я заболел и сказал жене:

– Сегодня у меня сердце сосет, как будто змея горло сдавила, и мне трудно дышать... Видно, я скоро умру.

Пошел опять в кладовую комнату, закрыл за собой дверь, встал на колени и с непередаваемой скорбью души сказал:

– Господи, прости меня, я грешник. Я погибаю в своих грехах... Спаси меня...

В этот день я ходил в ту комнату для молитвы около двадцати раз. Когда я молился, мне становилось легче на душе: когда переставал, снова начинались те же мучения. Так продолжалось восемнадцать дней. В конце восемнадцатого дня, вечером, при огне, я сидел и читал пятую главу Евангелия от Матфея. Около меня сидели мои дети, старшая – Вера, восьми лет, и другие, меньше ее. Когда я прочитал: «Блаженны миротворцы...» и так далее (стихи 8–12), моя душа просветлела: страдания Христа мне стали понятны и близки; указанный Христом путь спасения стал для меня ясен: меня охватила радость, что Господь умер за грешников и я спасен. Я тут же, в комнате, пал на

колени, а со мной и дети мои, и громко при всех благодарил Бога за открытое мне спасение. Жена и бывшие у нее в гостях женщины, услышав мою молитву, пришли из другой комнаты и удивленно смотрели на меня. Я встал с колен, а дети продолжали стоять на коленях и плакали. Я взял Веру за руку, поцеловал ее и стал радостно успокаивать.

Всю эту ночь я провел в радости, утром сердце мое настолько переполнилось ею, что я пошел к рабочим своего двора и поделился моими ночными переживаниями, призывая их тоже отдаться Господу: ходил и в отделение больных рабочих и там с радостью рассказывал о том, что сотворил со мной Господь. Поехал к своему другу Гавриилу Тимофеевичу и ему сказал о своем духовном возрождении, он был рад моему обращению. С этого времени у меня началась новая духовная жизнь.

ЧАСТЬ II

ПЕРВЫЕ ШАГИ СЛЕДОВАНИЯ ЗА ГОСПОДОМ ГАВРИИЛА ИВАНОВИЧА МАЗАЕВА

«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня». Мф. 10:37–38

ВСЕСВЕТНЫЕ ВОЗМУТИТЕЛИ

Для всех было заметно, что жизнь моя изменилась и стала лучше, и меня, и других со мною молокане решили исключить из своей среды.

В последних числах августа, после собрания, мой дядя, пресвитер молокан, Тимофей Гаврилович Мазеев во всеуслышание заявил:

– Братья! Не принимайте в свои дома баптистов: Воронина, Павлова, Богданова и других, так как они только возмущают людей.

– А если с такими убеждениями найдутся среди нас, с ними что делать? – спросил я.

– И им указать на дверь, – ответил он.

– Я полностью разделяю с ними взгляды на спасение Кровью Иисуса Христа и оправдание верою и крещение во имя Отца, Сына и Святого Духа, – сказал я.

– И ты можешь уходить, – ответил пресвитер.

Григорий Григорьевич Мамонтов заявил, что и он также согласен со мной. Молокане и ему указали на дверь.

Перед уходом из собрания мы просили разрешить нам вместе помолиться Богу, чтобы в мире и согласии разойтись. Молокане нам не разрешили молиться и сами не молились. Мы простились с ними и тут же заявили, что наши собрания будут проходить на Кавалерке, у Мамонтовых, каждое воскресенье по обряду баптистов, хотя мы еще не были приняты баптистами и не знали хорошо баптистских порядков.

В первое же воскресенье в наше собрание пришли столько слушателей, что помещение было переполнено, и пришлось открыть окна, чтобы народ и на улице слышал проповеди. Дей Иванович и Григорий Григорьевич сказали проповедь, а баптист И. И. Попов, случайно заехавший к нам в этот день, закончил собрание молитвой. При его молитве, в которой была неземная сила, собрание было потрясено, все как один плакали.

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

Вскоре с Г. Г. Мамонтовым мы поехали в Ростов. Я остался в номере гостиницы, а Григорий Григорьевич пошел в город. Прошло немного времени, как он вернулся, ведя под руку просто одетого человека.

- Ты знаешь, кто это? – спросил он меня.
- Нет, не знаю.

Это наш дорогой в Господе брат Егор Максимович Богданов.

Мы рады были приезду Богданова и увезли его к себе. Он пробыл у нас недели три.

Богданов оказался талантливым проповедником, хорошо знающим Священное Писание. За время его посещения мы имели каждый день по два собрания, в остальное время беседовали с жаждающими Слова Божьего. Все видные молокане перебивали у нас, и все они полюбили Богданова.

Интересно его обращение, о котором он рассказывал нам. Он долго знакомился с Библией, но оставался без покаяния. Страсти продолжали держать его в своих цепях, однако Библию он не оставлял. Со своей женой он часто говорил о покаянии и других истинах Слова Божия. Через разговоры с ним она вскоре обратилась к Господу и, видя, что муж только говорит об истине, а перемены в его жизни нет никакой, однажды сказала ему:

– Я иду за Господом и желаю принять крещение, а ты что думаешь?

– Господь с тобой, иди за Ним, – ответил ей Богданов, а сам остался в прежнем состоянии.

Жена его приняла крещение. Наступила первая ночь за днем крещения Богдановой. С миром и полным покоем она тотчас уснула, а Богданов заснуть не мог. Он вспомнил слова: «Будут двое на одной постели: один возьмется, а другой останется» (Лук. 17:34). Слова эти не давали ему покоя, он ворочался с бока на бок и все думал: «Жена моя возьмется, а я буду

оставлен. Не взята ли она Господом?» – и он протягивал руку. Так делал он несколько раз и наконец пришел в такой страх, что встал с постели, преклонил колена и начал каяться пред Господом. В эту ночь заснуть он не мог и раз десять падал на колена свои и молился Богу. Утром Богданов встал новым человеком: Господь простил ему грехи и дал Свой мир.

ВОЛЯ БОЖИЯ

Перед отъездом Богданова мы стали просить его, чтобы он преподал нам святое крещение. Он предложил, чтобы мы сначала поговорили с нашим отцом – как отнесется он к этому? Дей Иванович пошел и сказал отцу:

– Папа, мы с Гаврюшей хотим принять крещение от Богданова. Что ты скажешь?

Отец молчал. Дей Иванович возвратился к нам и сказал, что отец никакого ответа не дал. Тогда Богданов стал советовать нам, чтобы с крещением мы еще помедлили. Мы согласились, и он вскоре уехал.

Вопрос о крещении был поставлен на Кавалерке. По приезде домой отец и дядя Т. Г. часов до двенадцати ночи увещевали нас и доказывали, что нам не следует принимать водное крещение. Дей Иванович им возражал, а я сидел поодаль и молча выслушивал ту и другую стороны. Видя, что время позднее и пора кончать разговор, я встал, подошел к ним и, обращаясь к отцу, сказал:

– Отец, подчиняться я буду тебе во всем и все буду делать как можно лучше; но что касается водного крещения, то я убежден, что в этом воля Божия и при первом случае исполню ее. А ты как хочешь, так и поступай со мною.

Когда я сказал это, дядя встал, плюнул с досады, схватил шапку и, не простившись с нами, уехал домой.

После нашего разговора отец произнес:

– Если я сказал что-то лишнее, простите меня, а теперь давайте помолимся и разойдемся спать.

11 ноября 1884 года я был крещен во имя Отца и Сына и Духа Святого в реке Кавалерке, на участке Мамонтова, пресвитером из села Нововасильевки Таврической губернии Василием Романовичем Колодиным. Одновременно были крещены: моя жена Анна Яковлевна, брат Дей Иванович с женою, Григорий Григорьевич Мамонтов с женою и Анастасия Павловна Подковырова.

Отец узнал о нашем крещении в Нововасильевке, куда он привозил на призыв младшего сына. Уважаемый всеми молоканами Нововасильевки, наш отец подвергся вдруг резкому осуждению с их стороны из-за принятия нами водного крещения. Отцу было крайне обидно выслушивать подобные обвинения, и он никак не мог примириться со случившимся.

Окончив дела в Нововасильевке, отец в декабре приехал прямо к нам, на участок, и обрушился на нас с укорами и выговорами. Старшего брата Дея Ивановича, считавшегося главным виновником нашего обращения, немедленно выгнал из дому, со мною же

решил побеседовать и надеялся силою убеждения и угроз подействовать на меня.

БЕСЕДЫ С ОТЦОМ

Чтобы переубедить меня, отец начал беседовать со мною по вечерам и продолжал беседы свои до марта 1885 г. Эти беседы с отцом послужили мне к утверждению в истине, и через них я углублялся в Писание и полнее усваивал его. Видя, что таким образом убедить меня не удастся, а наоборот, я более крепну в познании истин, отец стал прибегать к угрозам и родительской власти. Я видел, что меня ожидает участь старшего брата.

Однажды после беседы о Слове Божиим отец особо подчеркнул свои родительские права, я же отстаивал духовную самостоятельность, воздавая отцу должную почтительность. Отец раздражился и сказал:

– Видишь, какие баптисты, они научили тебя не покоряться родителям.

– Нет, отец, – возразил я, – баптисты не учили меня не слушаться родителей, а вот молокане учили.

– Кто учил, когда, как? – забросал меня вопросами отец.

– Пресвитер молоканский при сочетании брака, когда читал: «Да оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей».

– Вот куда пошел!

– Баптисты же мне и этого не говорили, – сказал я.

В другой раз у нас была особенно горячая беседа. Видя, что она должна окончиться строгим решением родителей, я велел запрячь лошадей и быть наготове, чтобы, в случае неприятности, уехать к тете Софии Гавриловне Мамонтовой и таким поступком смягчить отца в его отношениях ко мне.

Как я ожидал, так и случилось: отец, сильно взволнованный, сказал мне:

– Бери свою жену и ступай куда знаешь!

Желая развеять его настроение, я сказал:

– Я уйду, но жену оставлю у вас, потому что, когда нас венчали, то было сказано: «возьми ее и отведи в дом отца твоего».

Отец улыбнулся и сказал:

– Можешь уходить.

Я приехал к тете С. Г. Мамонтовой. Она приняла меня, как принимала и раньше, ласково, но, узнав, в чем дело, советовала мне вернуться к отцу и работать прилежнее по хозяйству.

– Не обижайся на старика-отца, если он где и несправедливо поступит, – говорила тетя.

Прежде, чем вернуться к отцу, я заехал к дяде Т. Г. Мазаеву, который дал мне совет:

– Скажи отцу: «Во всем я тебе буду покорен, только ты не трогай моих религиозных убеждений. За мою душу отвечать ты не будешь, я сам за себя отвечу перед Богом».

Растроганный, я сказал ему:

– Благодарю тебя, дядя, за твой совет. Дай Бог в семье твоей то же, что в семье моих родителей.

Приняв совет дяди, я решил вернуться к отцу. Приезжаю к нему, а у него в гостях православный, уважаемый отцом Григорий Михайлович Чеботарев.

Приехав до меня и узнав, что меня нет дома, Чеботарев предположил, что я совсем оставил отца, и стал его совестить:

– Что, Иван Гаврилович, небось, и этого сына прогнал? Как тебе не стыдно, и не грех так делать? Такой уважаемый в округе человек – и разогнал сыновей. Да знаешь ли ты, что таких детей, как у тебя, не найдешь ни у кого. Ну скажи, у кого такие дети, сыновья?

Отец молчал, соглашался, а Чеботарев еще более горячился:

– Да если бы у меня были такие дети, да я, глядя на них, не нарадовался бы. Дети любят Господа, читают Евангелие, соблюдают праздники, а ему еще что-то надо! Слушает своих молокан, выживших из ума стариков, и прогоняет детей.

Отец сознавал справедливость сказанного, но не знал, как поправить дело. Как раз в разгаре их беседы приехал я. Зашел в дом и, не подавая виду, что я уезжал насовсем, весело со всеми поздоровался. Отец был очень рад моему приезду, приветливо встретил меня, стал наливать мне чай и, как ни в чем не бывало, угощал меня. Гость смутился, думая, что он ошибся и наговорил лишнее старику.

Перед отходом ко сну, отец позвал меня в свою комнату и стал говорить:

– Вот, что, Гавруша, живи у меня, как ты и прежде

жил. Относительно твоего верования говорить тебе я больше ничего не буду.

– Этого мало, папа. Разве я могу спокойно работать, когда мой брат голодает? Позволь мне посылать ему и его семье на содержание все, что нужно, – сказал я...

– Делай, как знаешь, – уклончиво ответил отец.

– Нет, папа, вы скажите определенной, а то если делать, как я знаю, так я сегодня же распоряжусь, чтобы брат приехал с семьей.

– Нет, этого не делай, а что нужно, выдавай ему на содержание, – согласился отец.

Я остался у отца и давал брату средства на содержание из общих сумм. Дей Иванович продолжал жить отдельно, получая содержание, еще года три, вплоть до нашего дележа.

ПЕРВАЯ ПРОПОВЕДЬ

Моя первая проповедь была сказана мною в 1885 году. В то время собирались на молитву по очереди в разных домах. В один из воскресных дней собрались в дом ко мне. Народу съехалось на собрание довольно много, были видные и почетные лица. Братья, проповедующие, находились в отлучке. Предстояло проповедовать мне. Писания я знал слабо и сильно волновался. Не выходя в общую комнату, я несколько раз молился Господу и говорил Ему о своей слабости. Придя в собрание, некоторое время ожидал, когда явится жена, чтобы при ней открыть собрание. Она не

пришла. Видя, что ждать дольше уже нельзя, я пригласил всех на молитву. Усердно молился Богу и просил Его, чтобы Он помог мне сказать Его Слово в силе Святого Духа. Когда я начал проповедовать, меня била дрожь, и все же я чувствовал какую-то силу и уверенно, с подъемом объяснил текст.

Когда окончил, снова пригласил на молитву, просил молиться всех, чтобы Слово Божие произвело свое действие в каждой душе, несмотря на мое недостаточное познание Слова Божьего.

По окончании собрания ко мне подошел один из видных образованных слушателей и, крепко пожимая мою руку, со слезами на глазах, дрожащим от волнения голосом сказал:

– Молодой человек, Господь да будет с тобой. Проповедуй эту истину, пока ты жив. Дай Бог тебе большого успеха. Я рад, что услышал такие чудные слова первый раз в жизни, и хочу сохранить их, пока буду жив.

Как я узнал впоследствии, этот человек после посещения собрания поехал в село Бела Глина, где у него были родственники, и начал там ревностно разъяснять Слово Божие. Между прочим, на основании Священного Писания он говорил людям, что поклоняться иконам грех. За его призывы к поклонению живому Богу священники его не взлюбили и предали суду.

Когда гости разъехались, я вышел и спросил жену:

– Почему ты не пришла в собрание?

Она со слезами мне ответила:

– Я знала твое положение и боялась, что ты не

сумеешь истолковать Священное Писание как следует, а собрание было большое, и люди все важные, поэтому я стала за дверями на колени и все время молилась за тебя Богу.

Как-то после этого собрания я был у себя в кабинете и вдруг слышу, кто-то молится. Оказывается, девушка-прислуга, мывшая пол в соседней комнате, оставила свое занятие и начала молиться. Вечером мы сидели за чаем и услышали где-то разговор. Прислушались. Оказалось, что это девушка молилась на чердаке. Она тоже обратилась к Господу под влиянием этого собрания. На следующее воскресенье девица наделала целый переполох в молоканском собрании.

Когда ко мне приезжал отец (мы жили теперь уже отдельно), то из уважения к нему я со своим семейством посещал собрание молокан. В следующее воскресенье он приехал ко мне, и мы все отправились в собрание к молоканам. Известно, что у них осуждается громкая молитва женщины, и в собрании такая молитва не допускается. Когда собрание подходило к концу и последовало приглашение на молитву, наша девушка открыла свои уста и от всего сердца, во всеуслышание благодарила и славилла Бога за дарованное спасение. Ее неожиданная искренняя молитва так потрясла все собрание, что многие разрыдались и от всего сердца молились Господу.

Дядя девушки, бывший в числе слушателей на этом собрании, услышав ее молитву, отдался Господу, и, как только собрание закончилось, он вскочил на свою жохару и быстро поехал домой.

Приехав домой, он обратился к жене с просьбой:

– Дай скорее ключ от сундука.

Она, недоумевая, дала ему ключ. Он поспешно открыл сундук и все в нем разворошил, чего-то ища. Наконец с торжествующим видом он достал с самого дна какой-то сверток в холсте. Это были иконы. Он освободил их от холста, взял в руки топор и стал уничтожать на пороге, приговаривая:

– Як мени за вас краснить ото, так вам що». Хотя в собрании молокан, на котором он присутствовал, об иконах не было сказано ни единого слова.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДЕЕ ИВАНОВИЧЕ

В 1885 году, в мае месяце, у Т. Г. Мамонтова умер сын. Жена Тимофея Григорьевича, будучи молоканкой, хотела похоронить сына по молоканскому обряду. На похороны съехалось много народу. На дворе была устроена палатка, в которую могло поместиться до 300 человек. На похоронах был и наш отец – Иван Гаврилович. Собравшийся народ напряженно ждал: будет ли на похоронах Дей Иванович? Каждый горячо принимал к сердцу участь Дея Ивановича. Все его любили и ожидали в собрании. Прошло порядочное время, а его все нет. Перед самым открытием собрания он тихо вошел в палатку. Ожидавшие взглянули на него, и многие заплакали. Самое появление Дея Ивановича было безмолвной проповедью. В этот час некоторые решили отдаться Господу, смотря на то, с

каким смирением Дей Иванович нес наказание, определенное его отцом за преданность Господу.

При дележе отец не хотел было выделить часть имени Дею Ивановичу. Против такой несправедливости резко выступил младший брат Василий Иванович и со слезами высказал отцу:

– Разве Дей не твой сын, что ты хочешь так его обидеть? Если не дашь ему части, то возьми и мою часть, я не хочу видеть обиженным своего брата и пользоваться его частью.

Отец не выдержал, заплакав, велел послать за Деем Ивановичем и в его присутствии разделил имущество на четыре равные части.

Изгнание Дея Ивановича из родительского дома послужило для пользы дела Божия. Освобожденный от хозяйственных работ и забот, Дей Иванович посвятил все свое время изучению Священного Писания и преданий православной церкви. Память у него была отличная и при беседах с миссионерами он положительно ставил их в тупик, приводя в пример разноречивые постановления соборов и учения отцов православной церкви. Многочисленные статьи Дея Ивановича в журнале «Баптист» особенно ценились всеми своей продуманностью, ясностью изложения и обилием материала из преданий православной церкви. Среди близких и братьев-баптистов за ним утвердилось имя «российский Соломон».

ВНУШЕНИЕ НАЧАЛЬСТВА

В 1886 году сотенный командир вызвал меня в станцию Незамаевскую и стал спрашивать:

– Правда ли, что баптисты дают 18 тысяч рублей каждому вновь принятому в баптисты? Командир просил меня дать подписку, что я больше не буду проповедовать.

– Я дам вам подписку, что не буду воровать, пьянствовать, безобразничать, но дать подписку, что не буду проповедовать Евангелие, я не могу, – ответил я.

– Зачем мне такая подписка? – спросил командир.

– Затем, что если я так буду делать, Вы можете предать меня суду.

– Да ведь это и без подписки можно сделать, если заслужите.

– А если я буду проповедовать ложь, то разве нельзя предать меня суду?

– Положим, что и это так, – согласился командир.

– Чем вы занимаетесь, Гавриил Иванович? – спросил командир.

– Овцеводством.

– А сколько у вас овец?

– Пять тысяч штук.

– Сколько вы земли арендуете?

– Пять тысяч десятин.

– По какой цене платите?

– По два рубля.

– А сколько выручаете за шерсть с овцы?

– По два рубля 50 коп.

- Это выходит 12,5 тысячи. Чем же вы живете?
- Я еще сею десятин 200–300 хлеба.
- А за хлеб сколько выручаете?
- По пятьдесят рублей с десятины.
- Этого же мало вам на содержание?
- Для нас хватает и даже остается платить пяти-шести человекам по 18 тысяч рублей ежегодно.
- Ну, положим, это глупость.
- Да. Но этой глупости верят, верят многие и из начальства.

Командир смутился и, поговорив кое о чем постороннем, отпустил меня домой, сказав на прощанье:

- Ну вы все же держите себя потише.

ЧАСТЬ III

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ВСТРЕЧ И БЕСЕД ГАВРИИЛА ИВАНОВИЧА МАЗАЕВА

«Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам». Мф. 28:19–20

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ БЕСЕД С ПРАВОСЛАВНЫМИ МИССИОНЕРАМИ

БЕСЕДА С ГРАЦИАНСКИМ О ЦЕРКВИ, КРЕЩЕНИИ, СВЯЩЕНСТВЕ И ЕПИСКОПАХ

В сентябре 1897 года в мое имение в Донской области приехал миссионер Грацианский и настойчиво стал просить, чтобы я побеседовал с ним. Времена были тяжелые. По милости миссионеров и священников, не одна сотня наших братьев-баптистов были сосланы в Закавказье и Сибирь. Нам же приходилось помогать им и быть всегда готовыми разделить их участь. Поэтому мы смотрели на миссионеров с большой подозрительностью, не веря их обещаниям, что они не будут предавать нас суду за высказанные на беседе убеждения. Я тоже старался избегать бесед с миссионерами, но Грацианский так уверял и упра-

шивал, хотя бы частно, в моем доме, побеседовать с ним, что я наконец согласился и назначил ему время встречи после Покрова.

В назначенное время Грацианский приехал ко мне в сопровождении священника, урядника и нескольких других лиц. Присутствие полицейского мне показалось подозрительным, и я тут же высказал это миссионеру. Полицейский стал уверять меня, что он здесь частным образом, то же утверждал и миссионер.

Мы уселись за стол, и я спросил миссионера:

– О чем вы желаете со мной беседовать?

Миссионер ответил:

– Вот вы откололись от православной церкви и блуждаете где-то вдали от нее, об этом мне и хотелось с вами поговорить.

– К счастью, я никогда не был православным, и мне не было нужды откалываться от православия, – ответил я.

– Ну, все равно, когда-то предки ваши откололись от православия, и вам необходимо возвратиться в лоно православной церкви, а без этого вы спасения не получите, – возразил миссионер.

– Так, значит, Вы говорите, что вне православной церкви спасения нет? – спросил я.

– Да, вне ее спасения нет.

– А если человек будет состоять в православной церкви, то спасение ему будет?

– Да, будет.

– А вы сами состоите в церкви?

– Да.

– Давно?

– Как родился.

– Скажите мне, а вы спасенный человек?

Вместо ответа, миссионер обратился к священнику:

– Батюшка, помолитесь.

Священник встал для молитвы. Пропели: «Царь Небесный...»

После молитвы миссионер, обращаясь ко мне, проговорил:

– Знаешь что, Гавриил Иванович, у нас это был частный разговор, а теперь мы с вами откроем правильную беседу. Давайте побеседуем о крещении младенцев.

– Хорошо, давайте побеседуем о крещении, – согласился я.

Миссионер произнес длинную речь о том, какое значение имеет крещение вообще, тем более крещение младенцев, и, обращаясь ко мне, закончил так:

– Вот вы младенцев не крестите и тем лишаете их спасения.

– Скажите мне, а вы крещены во младенчестве? – спросил я.

– Да, я крещен младенцем, – ответил миссионер.

– Вы говорили, что без крещения во младенчестве нет спасения. Вот вы, крещенный во младенчестве, скажите нам, вы спасенный человек?

Вместо ответа миссионер опять обратился к священнику:

– Батюшка, давайте помолимся.

Все встали и пропели: «Достойно есть, яко воистину...»

– Вот что, Гавриил Иванович, эта тема беседы не совсем подходящая, давайте побеседуем о священстве? – предложил миссионер.

– Хорошо, давайте.

Миссионер опять начал говорить продолжительную речь о том, что в церкви должно быть преемственное священство, которое разделяется на три чина: епископов, священников и диаконов, – только они должны совершать семь таинств.

– Где нет правильного священства, там не может совершаться и семь таинств, а где не совершаются семь таинств, там нет и спасения, – закончил миссионер.

– Где нет правильного священства, там народ не может спастись? – спросил я.

– Нет, не может, – ответил миссионер.

– А у вас священство правильное?

– Да, правильное.

– Все семь таинств совершаются?

– Совершаются.

– И вы участвуете в них?

– Участвую.

– Вот Вы принадлежите к той церкви, где имеется преемственное священство, совершаются все таинства, и вы участвуете в них, а скажите нам откровенно – вы спасенный человек?

– Миссионер опять вместо ответа:

– Батюшка, помолитесь.

Встали и пропели: «Верую во единого Бога Отца».

Священник, желая поправить безвыходное положение миссионера, после молитвы, обращаясь ко мне, стал говорить:

Пророк Давид был муж, исполненный Святого Духа, а о себе говорил: «Вот я в беззаконии зачат и во грехе родила меня мать моя» (Пс. 50:7). И мы все признаем себя грешниками, а поэтому и не можем называть себя спасенными.

– А у вас отец крещен? – обратился я к нему.

– Крещен.

– А мать крещена?

– Тоже крещена.

– Как же вы во грехе родились? Родители же ваши крещены, и по учению православной церкви грех их смыт в крещении? Да, кроме того, Апостол Павел говорил христианам: «Благодатью вы спасены» (Еф. 2:5) и в послании к Титу: «Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков» (2:11). Вот видите, Апостол говорил: «явилась благодать», и этой «благодатью вы спасены». А хорошо ли сделали бы те христиане, которые ответили бы Апостолу подобно вам: «Нет, мы не спасены, мы грешники». И вы называете себя христианином, а отвечаете, что вы не спасенный грешник. А правильно ли это?

Священник задумался, а миссионер начал говорить о епископах, уверяя, что без епископов церковь быть не может:

– Где нет истинного священства и епископов, там нет и церкви.

– Какие же должны быть епископы? – спросил я.

– По Слову Божию, – ответил миссинер, – «Епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннолюбив, учителен...» (1 Тим. 3:2–5). Вот какой должен быть епископ, – самодовольно проговорил миссионер.

– У вас в церкви такие епископы? – спросил я.

– Такие, – ответил миссионер.

– А верно ли такие? Вот у Апостола сказано: «Епископ должен быть непорочен, одной жены муж... хорошо управляющий своим домом, детей содержащий в послушании» (1 Тим. 3:2–4). А у вас епископы женаты?

– Нет, не женаты, – ответил миссионер.

– Как же они могут быть епископами, если они должны быть женаты и должны уметь управлять домом своим? Может быть, ваши епископы оттого и не женились, что по своему характеру не могут жить с женой и хорошо управлять домом своим, а таких, неиспытанных, у вас допускают быть епископами и управлять церковью?

– Епископ может быть и неженатый, это необязательно, – ответил миссионер.

– Как необязательно, – возразил я, – сказано в Слове Божиим «должен быть». Должен значит обязан. Кто уклоняется от обязанности, от долга, тот считается нечестным человеком и не пользуется никаким доверием. Как же такой человек может быть епископом?

– Позвольте мне сказать? – спросил урядник.

– Пожалуйста, – ответили ему.

– У нас епископы тоже женаты! – неожиданно выпалил полицейский.

– Нет же, наши епископы не женаты, – скромно возразил миссионер.

– Как нет? – не унимался полицейский. – Я сам знаю, что у нас епископ женатый.

– Да нет же, вы ошибаетесь, мы лучше вас об этом знаем, – возразил миссионер.

– Как ошибаюсь? – настаивал полицейский. – Я своими глазами видел жену епископа!

– Вы что-то перепутали, этого у нас нет: наши епископы все не женаты.

Полицейский не соглашался, миссионер не уступал, получился спор. В это время моя жена заявила:

– Самовар подан, пожалуйста к столу. Беседа и спор закончились, и мы мирно пошли пить чай.

После чая гости любезно распрощались и уехали.

БЕСЕДА С КУТЕПОВЫМ О ПОЧИТАНИИ СВЯТЫХ

Беседа с миссионером-священником Кутеповым о почитании святых была в сельской школе поселка Плато-Ивановское Донской области.

Во время беседы я сказал, что нужно обращаться с молитвою к Богу, как учил Сам Иисус Христос (Лук. 11:2). Житиям же и учениям святых православной церкви не всегда можно доверять, и для примера я попросил миссионера Кутепова рассказать житие

Иоанна Новгородского: чем отличался он от других святых?

Миссионер сказал, что Иоанн Новгородский ездил на бесе в Иерусалим.

– Верно ли то, что в его житии рассказывается, как в пути упала с него камилавка, и когда он стал просить беса остановиться, чтобы поднять ее, то бес ответил, что камилавка уже за 7000 верст позади?

– Верно, так написано, – подтвердил миссионер.

– А сколько же верст от Новгорода до Иерусалима? Мне кажется, что столько верст там нет, и, притом, она упала не в самом Новгороде, а на пути, может быть, на половине?

– Что же вы этому разве не верите? – спросил миссионер.

– А вы верите?

Миссионер промолчал. Я продолжал:

– Интересно знать, приехав в Иерусалим, куда Иоанн девал беса, когда сам зашел в храм помолиться? Оставил ли у храма, взял ли с собою в храм? Взять его в храм как-то неприлично, положиться на него и оставить у храма нельзя – ведь бес – лжец.

– Это не важно, – смутился миссионер.

– Правда ли то, – продолжал я, – что по возвращении бес стал просить отпустить его, но Иоанн не согласился отпустить его до тех пор, пока бес не споет херувимскую песнь. А когда бес спел ее, то превратился в светлого ангела, и другие ангелы взяли его на небо. Правда ли это? – докучал я миссионеру.

– Разве вы в это не верите? – спросил миссионер.

– А правда ли это?

Кутепов старался замять этот разговор и направить беседу в другое русло. Тогда я спросил его:

– Скажите, чем святой Христофор выделяется из числа других святых?

Миссионер сидел молча и, видимо, не хотел отвечать на этот вопрос. Тогда помощник его, миссионер Грацианский, попросил благословение у протоиерея Кутепова ответить мне.

Кутепов благословил. Грацианский встал. Публика затихла в ожидании, что скажет Грацианский.

– У него была собачья голова.

– Да это ерунда, – сказал громко Грацианский и сел.

Кутепов возразил:

– Нет, это не ерунда. У него была безобразная голова, а художник изобразил ее собачьей головой.

Я продолжал:

– Если верить описанию житий святых и изображению художника, а также словам Грацианского, то можно ли без особого чувства отвращения принимать такого человека в дом и кушать с ним, а тем более, можно ли его просить за себя молиться Богу? – спросил я.

Скоро беседа наша закончилась. Публика расходилась в недоумении и рассуждала: «Откуда это наши попы разыскали таких святых, о которых стыдно говорить?» Много толковали на эту тему и спорили между собою слушатели. Одни становились открыто на нашу сторону, другие же самым искренним образом ненави-

дели нас, желали нам всякого зла и никак не могли допустить мысли, что Бог примет нас в Свое Царство.

БЕСЕДА С КУТЕПОВЫМ О КРЕЩЕНИИ МЛАДЕНЦЕВ И ЧУДОТВОРНЫХ ИКОНАХ

Вторая беседа с Кутеповым о крещении младенцев была у меня в доме.

Кутепов приехал в сопровождении трех лиц: своего племянника-священника, противостарообрядческого миссионера Федосова и земского доктора Герасимова.

Миссионер Кутепов славился тем, что предавал суду тех, с кем беседовал. Жена упрасивала меня, чтобы я с ним не беседовал, но я сказал ей: «Что Господь даст, то и будет» и стал беседовать с Кутеповым.

Кутепов о крещении младенцев говорил много, но я только спросил его:

– Что важнее для человека: крещение или вера? Можно ли крестить без веры?

Кутепов затруднялся ответить на этот вопрос и все старался доказать, что если кто не крестится – погибнет.

– А если человек покрестится, да ни во что не будет верить, будет ему польза от крещения?

Кутепов ничего определенного сказать не мог. Он сидел к доктору спиною, и последний, заметив, что ему особенно трудно ответить на вопрос: что важнее – вера или крещение, стал подавать мне молчаливый знак движением рук: дави, дави его сильнее!

Когда окончилась беседа и мы вошли в комнату, я спросил Кутепова:

– Не разрешите ли поговорить с вами по душам?

Он разрешил.

Тогда я обратился к нему с вопросом:

– Правда или нет, что есть явленные и чудотворные иконы?

– Есть, – сказал миссионер.

– А скажите, ведь эти иконы из дерева сделаны?

– Да, из дерева.

– А где их делали: на небе или на земле?

Он смущенно ответил:

– Конечно, на земле.

– Так поэтому, значит, прежде, нежели им где-либо явиться, они должны были где-нибудь потеряться. А если же они потерялись, то нашедший должен объявить их как находку, а не как явленную. Мало ли вещей людьми теряется, а другие находят их, и они не считают найденную вещь явленной. Почему же иконы так называются? – спросил я.

Кутепов объяснил, что иконы в сущности не явлены, а лишь найдены засыпанными песком или землею на тех местах, где когда-то стояли станом христиане, которые, спешно уходя от преследования своих врагов, забывали их. «Так что иконы найдены, а явленными их почитают только мужики», – объяснил он.

Кутепов и другой священник-миссионер остались у меня ночевать, а остальные уехали. Перед отходом ко сну Кутепов обратился ко мне и говорит:

– Я удивляюсь, почему это баптисты уклоняются беседовать со мной? Боятся что ли меня?

Я ответил ему:

– Вы не думайте, что мы уклоняемся потому, что мы не можем беседовать. А просто мы смотрим на вас как на полицейского, с тою только разницею, что полицейский имеет одну кокарду, а вы другую: тот носит меч сбоку, а вы в устах. Кто с вами беседовал и избег после этого ссылки? – продолжал я говорить ему правду. – Укажите, кто? Павлов побеседовал с вами, и где он? Воронин беседовал, где он? Богданов побеседовал, где он? Левашев побеседовал, и где он? Да и кто из беседовавших с вами остался дома? Вот та причина, почему мы не хотим с вами беседовать. Скажу откровенно: когда вы приехали, моя жена умоляла меня, чтобы я с вами никак не беседовал. «Ты знаешь, кто такой Кутепов, – говорила она, – разве ты не знаешь, сколько братьев из-за него в ссылке? И тебе хочется туда же?»

Кутепов оправдывался, но неудачно, и был не рад, что затеял этот разговор: я же был очень доволен, что Господь дал случай сказать ему правду в глаза...

Мне потом рассказывал доктор:

– Когда мы возвращались, то племянник Кутепова – священник, расхаживая по моей квартире, восторженно говорил:

– Как я рад, что так случилось. Понимаете, доктор, мою радость?

– Да в чем дело, я ничего не понимаю? – возражал ему я.

– Дело в том, что я несколько раз просил Мазаева побеседовать со мной, но беседа с ним у нас не состоялась, и теперь я чрезвычайно рад этому. Что бы я стал делать? Если мой дядюшка, опытный миссионер, не мог ответить ему, то что бы я стал отвечать? Ну я рад, и очень рад, доктор, что я не беседовал с Мазаевым.

БЕСЕДА В ПРОХЛАДНОМ О КЛЯТВЕ И КРЕЩЕНИИ

Миссионер-священник прочитал из Евангелия от Матфея 5 главу, стихи 34–37 и старался доказать, что здесь сказано: нельзя клясться небом, землею, головою, но не сказано, что нельзя клясться именем Бога. «А потому клясться именем Божиим можно и клянитесь Им, клянитесь смело и клянитесь все», – закончил свою речь миссионер.

Я взял эту же главу и обратил внимание на стихи 34 и 37: «Не клянись вовсе». «Но да будет слово ваше да, да; нет, нет, а что сверх этого, то от лукавого». На основании этих слов Христа я говорил, что не только клятва запрещена, но от лукавого и такие выражения, как: «ей-Богу, ей-ей», «сквозь землю провалиться», «лопни мои глаза» и другие, подобные им.

Миссионер перешел на 10 главу, 5–6 стихи из Откровения: «И Ангел... поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков». Он сказал, что Ангел клялся Живущим на небе. «А как по-вашему, его клятва от лукавого? – спросил миссионер.

– Нет, – ответил я.

– Почему же? – спросил миссионер.

– Дело вот в чем, – начал объяснять я, – в Ветхом Завете сказано древним: «не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои» (Мф. 5:33). Значит, они имели право клясться и должны были исполнять свои клятвы, на это было разрешение от Бога. И Ангел клялся потому, что Бог повелел ему клясться, чтобы уверить людей в его вести. Нам же, христианам Нового Завета, сказано Христом: «Не клянитесь вовсе». Наше слово должно быть «да» или «нет». И поэтому мы не имеем права присваивать себе ни ветхозаветных постановлений, ни клятвы Ангела, относящихся только к ним.

Когда беседа о клятве закончилась, мы перешли к беседе о крещении. Миссионер спросил:

– Почему вы крестите вновь взрослых, не признавая крещения, совершенного во младенческом возрасте?

Я привел в пример 19 главу Деяний святых Апостолов, где крещенных в Ефесе, не слышавших до крещения о Духе Святом, Апостол Павел крестил вторично.

Миссионер-священник на этот довод возразил, что ефесяне были крещены крещением Иоанновым, а Иоанново крещение не имеет силы, и его нужно заменять. «Мы крестим православных, – доказывал он, – правильным крещением – во имя Отца и Сына и Святого Духа, и наше крещение заменять не нужно».

Как только миссионер закончил свою речь, к нему, торопливо работая локтями, пробралась одна старушка и спросила:

– Так по-вашему, крещение Иоанново не годится, оно плохое; а если вы покрестите, так это будет хорошее?

– Да, так, – ответил миссионер.

Теперь я буду знать, что Иоанново крещение плохое, а ваше хорошее; теперь надо и Христа перекрестить вновь, потому что Он крещен Иоанном, а не вами?

Миссионер смутился. Вскоре беседа наша закончилась.

БЕСЕДА С ПАПЫШЕВЫМ О КРЕЩЕНИИ МЛАДЕНЦЕВ

Как-то вечером мне позвонил начальник полиции и предложил побеседовать в присутствии архиерея с миссионером Папышевым. Я принял предложение, и беседа наша состоялась в училище при станции Петропавловка.

В назначенный час собралась публика и толковала между собой: «Будет ли архиерей разговаривать с Мазаевым?» Некоторые говорили: «а что тут такого, конечно, будет». А некоторые считали это для архиерея неудобным.

Когда открылась беседа, я спросил:

– Есть ли в Священном Писании повеление крестить младенцев?

Миссионер старался доказать необходимость крещения младенцев, основывая свои доказательства на текстах 1 Кор. 10 гл. 2 ст. и Евангелии Иоанна 3 гл.

5 ст., и на неясно выраженных местах Священного Писания, в которых говорится о крещении «Лидии с домашними», «темничного стража с домашними», стараясь главным образом упираться на слова «с домашними» среди которых, по уверениям миссионера, несомненно, были и дети. После тщетных усилий доказать необходимость крещения младенцев он сказал:

– Если явного повеления крестить детей нет, то нет и воспрещения его. Укажите, где есть воспрещение крестить детей?

Я ответил:

– Если бы господин миссионер сказал это вначале, то нам не нужно было бы затратить столько времени и усилий на беседу. Ведь он основывает крещение младенцев не на повелении, а на незапрещении. А основывать такое великое дело только на том, что нет запрещения, едва ли правильно.

Тогда миссионер задал вопрос:

– Интересно знать, где же будут некрещенные дети баптистов?

Я отвечал ему:

– Там, где будут дети татар, дети калмыков, язычников, там будут дети и баптистов; там же будут дети и православных, католиков, лютеран и евреев. «Посему, как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни» (Рим. 5:18).

В это время архиерей, подняв руку, прервал меня и сказал:

– Позвольте, позвольте...

Воцарилась гробовая тишина. Все замерли и ждали, что будет... Архиерей сказал:

– Вот так и не написано, что всем; а написано м–н–о–г–и–м, подчеркнул архиерей.

Народ с напряжением ждал, что отвечу я.

Я немного помолчал, взял Библию, не спеша раскрыл ее и сказал:

– Читаю во всеуслышание пятую главу Римлянам ст. 18: «Посему, как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни». «В-с-е-м», – повторил я. Публика переглянулась, а я продолжал свою речь:

– Взрослый человек имеет рассудок и волю и может принять и не принять спасение в благодати Божией, а потому он ответствен перед Богом за свой поступок. Если он уверовал в спасение Божие, то, значит, он спасен, если не уверовал или отверг спасение, то – погиб.

Дети же являются особой категорией: они не принадлежат ни к приемлющим благодать, ни к отвергающим ее. За действия же своих родителей дети не отвечают (Иез. 18:20). А поэтому независимо от того, от каких родителей они родятся: от мусульман ли, или от христиан, крестят ли их родители, или не крестят, совершают ли над ним обрезание, или не совершают, – всем детям вменяется праведность Христова к вечной жизни.

– А до какого возраста праведность Христова вменяется детям, независимо от их веры? – спросил миссионер.

– До тех пор, пока человек не станет сознательно действовать, соглашаясь или отрицая. Предельный возраст не одинаков, его знает только Бог, потому что один человек развивается духовно быстрее, другой – медленнее; это зависит от различных условий жизни, – объяснил я.

Беседа наша закончилась.

БЕСЕДА С КЛИМЮК О СВЯЩЕНСТВЕ И О ЧИСЛЕ АПОСТОЛОВ

В начале 1913 года во время поездки с Николаем Васильевичем Одинцовым в Благовещенск мы по пути остановились в Иркутске, где совершили рукоположение над пресвитером Гавриилом Яковлевичем Ткаченко.

На следующий день, услышав об этом, местный миссионер Климыук пришел в наше собрание и после окончания предложил побеседовать с ним публично. Время беседы назначил только через два–три дня. Мы не могли принять его предложения вследствие нашей поездки в Благовещенск. С ней мы должны были спешить из-за наступления весны. Тогда миссионер попросил побеседовать с ним хоть в этом собрании и сразу же назначил тему по поводу состоявшегося рукоположения над Г. Я. Ткаченко: «О священстве». Мы согласились.

Миссионер предложил вопрос:

– Почему Ткаченко не был рукоположен раньше?

Кто же он был до этого, и почему он совершал служение, будучи не рукоположен?

Я ответил:

– Он временно исполнял служение пресвитера как находившийся на испытании по совету Апостола, который говорит: «Рук ни на кого не возлагай поспешно» (1 Тим. 5:22). Следовательно, нужно сначала испытать служителя и, если он окажется достойным, тогда рукополагать его.

Миссионер возразил:

– А где такой случай был в практике Апостолов?

Я указал ему, что Апостол Павел оставил на Крите Тита, чтобы он довершил незаконченное и поставил по всем городам пресвитеров, рукоположив их (Тит. 1:5).

– Из этого не видно, что они были на испытании и что их нужно было рукоположить; да и не видно, были ли там верующие вообще? – возразил миссионер.

– А для кого же нужно было поставить пресвитеров, и из кого их выбрать, если там не было верующих? – ответил я.

– Положим, что это верно, – согласился миссионер.

– А вот были ли там временно избранные, этого не видно.

Я ответил:

– Если же были верующие, то были и собрания; были и лица, которые руководили этими собраниями, поэтому-то начатое дело ученик Апостола Павла Тит и должен был закончить рукоположением. Если же там не было начатого, то нечего было бы и доканчивать.

Миссионер и с этим согласился, но спросил:

– Как же вы рукополагаете? Ведь вы пресвитер, а написано, что «меньший благословляется большим».

– Да, как написано, так я и сделал: он был меньший, а я больший. Теперь после рукоположения он стал такой же, как я.

– А вот у нас рукополагает во священника епископ.

– А епископа кто рукополагает в епископы? – спросил я.

– Его благословляют в соборе, – ответил миссионер.

– А если соберется десять епископов, то от этого у них больше власти или же у них ее столько, сколько у каждого порознь?

– Их только по количеству больше, а власть у них одна и та же, – ответил миссионер.

– А откуда взялся такой порядок рукополагать епископов соборне?

Миссионер указал на случай избрания Матфия в Апостолы.

Я спросил его:

– Признал ли Господь это избрание Матфия и было ли здесь рукоположение соборне или избрание соборне?

– Признаю, что Господь Бог признает избрание Матфия в Апостолы, – ответил миссионер.

– А сколько по-вашему всех Апостолов?

– Двенадцать.

– Павла вы признаете за Апостола?

– Признаю.

– Тогда посчитайте, сколько у вас Апостолов получается? Вместо отпавшего Иуды избран соборне Матфий, и не человеками и не через человека, а лично Христом – Павел. Это выходит тринадцать.

Миссионер развел руками и неуверенно сказал:

– Да, это верно, их тринадцать.

Я спросил:

– Признаете ли вы верными слова Христа, выражающие мысль, что «в пакибытии... сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф. 19:28).

– Признаю.

– А где же сядет тогда 13-й Апостол, и кого он будет судить?

– Это для меня вопрос новый, – сказал миссионер.

Я продолжал:

– А почему патриарх назвал себя 13-м апостолом? Значит, он кого-то не признает: или Матфия, или Павла, или для него престола нет? Он беспристольный? Или его следует считать и называть 14-м апостолом?

Миссионер пожал плечами, вытер с лица пот и, пожелав нам счастливого пути, поспешил уйти из собрания.

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ВСТРЕЧ И БЕСЕД С ПРАВОСЛАВНЫМИ

ПУТЬ В РАЙ

Во время сельскохозяйственной выставки в Ростове-на-Дону ко мне в номер зашли три священника. Они предложили мне выступить в публичной беседе. Я согласился, и на вопрос, о чем я желаю беседовать, ответил, что желаю поговорить о семи таинствах священства православной церкви.

– В чем же там дело? – спросил меня священник Лебедев.

– Меня интересует вот что: будет ли спасен православный христианин, если он исполнит все семь таинств церкви.

– Да, будет спасен, – ответил священник.

– Зачем же православная церковь после смерти ее члена, исполнившего все таинства, совершает над ним сорокоусты, временные и вечные поминовения, поминовения при просфорах в родительскую неделю и т. д.? Если человек уже спасен через соблюдение таинств при жизни, какой смысл имеют поминовения после смерти? Принимая это во внимание, можно ли считать, что православная церковь стоит на истинном пути спасения души?

– Православная церковь, безусловно, стоит на истинном пути, – подтвердил священник.

– Но почему при всяких поминовениях, во всех

молитвах за умерших слышатся выражения: «изведи его из ада и всели его в Царствие Небесное с Авраамом, Исааком и Иаковом? Неужели истинный путь ведет всех людей сначала в ад, а потом уже, по молитвам священника, Бог выводит душу из ада в рай? Неужели нет прямого пути в рай?.. Вот об этом-то мне и хотелось побеседовать с вами публично, – объяснил я.

На вопросы священники ответа не дали.

Предложенную мною тему одобрили, попросились и ушли. Больше они не приходили, и беседа не состоялась.

КУПЛЕННАЯ ВЕЩЬ

В ожидании поезда я сидел на вокзале станции Чумляк, Сибирской железной дороги. Ночь. Я один. Ко времени прибытия поезда стали съезжаться пассажиры. Приехали знакомый мне миссионер Несмеянов и с ним священник поселка С-ка. Вошли молодая дама и господин. Все мы сидели вокруг стола. Интересуясь некоторыми обрядностями православной церкви, я спросил миссионера:

– Скажите, пожалуйста! Какое значение имеют следующие слова, произносимые во время церковной службы: «Двери, двери премудростью вонмен».

Миссионер стал объяснять:

– Это имело значение в древнее время, когда православная церковь находилась в большой опасности от

нападения со стороны язычников, причинявших много бед прихожанам. По сей-то причине двери церкви тщательно оберегались от вторжения буйных и необузданных язычников.

Хотя я потом узнал, что закрытие дверей имело совсем другое значение: в заседаниях церкви могли участвовать только ее члены; посторонний на заседания не допускался, даже если он был близким и готовился к принятию крещения. Поэтому, а не из опасения вторжения язычников, произносились эти слова.

– А зачем же произносят и теперь: «Двери, двери премудростью вонмен»? Никакой набег со стороны язычников ведь не угрожает церкви?

– Потому теперь произносим, что так принято не нами, – объяснил миссионер.

Я снова спросил его:

– Скажите, пожалуйста, что означают слова, тоже произносимые во время богослужения: «Оглашенные, изыдите»?

– Возглас этот относился к тем, – говорил он, – которые находились под наблюдением церкви и желали присоединиться к ней. При совершении таинства они не могли оставаться, так как не принадлежали еще церкви. Возгласом этим их и высылали.

– А теперь, – сказал я, – ведь все же продолжают произносить эти слова, хотя в церкви нет ни одного оглашенного и ни одного неверного. Да если бы они и были, за ними никто не следит и дверей никто не закрывает. Какое же значение имеет это произношение слов: «двери, двери...» в настоящее время?

– Это только форма, – ответил он.

– Если нет в словах практического значения, то почему бы не перестать говорить их?

– Произносили и будем произносить, пока это стоит в церковных правилах, – ответил миссионер.

– И еще, – спросил я, – как понимать слово: «окаянный».

Миссионер объяснил:

– Это значит что-то вроде отлученный, оставленный или отверженный.

Священник добавил, что это слово, вероятно, происходит от слова Каин – «окаянный».

– Для меня важно правильное значение слова потому, что я хочу знать: можно ли о человеке судить иначе, то есть не так, как он сам о себе судит и говорит?

– Конечно, нельзя, – согласились они.

Я прочел молитву иеромонаха Сировской пустыни, где он говорит о себе «помилуй меня окаянного», и спросил миссионера:

– Как же о нем следует судить, если он сам о себе говорит как об окаянном?

Беседа наша прервалась: вошел господин и начал вносить и укладывать свои вещи. После некоторого перерыва, мы начали новый разговор. Я спросил миссионера:

– Какое место Священного Писания повелевает или хотя бы разрешает молиться за умерших? Какое значение имеют слова Господа и Спасителя Иисуса Христа «покайтесь, если не покаетесь, все погибнете»?

Ибо если умерший без покаяния может быть избавлен от вечной гибели молитвами после смерти, то выходит, что покаяние и нужно, и не нужно?

В это время господин, сидевший на своих вещах у двери, вмешался в наш разговор, и, обладая излишней смелостью по случаю языческого праздника масленицы, начал доказывать, что купленная вещь на том свете не пригодится. Мне было жаль, что он помешал нам, а миссионеру стало неприятно, и мы попробовали было уговорить его не вмешиваться, однако он твердо стоял на своем и повторял:

– Купленная вещь на том свете не годится: у нас молитва вообще купленная, а за умерших тем более.

Обратившись к священнику, он спросил:

– Батюшка, вы по сколько берете за сорокоусты?

Священнику, видимо, неловко было отвечать нетрезвому человеку, и он молчал. Господин же все не унимался и говорил:

– А вот у нас здесь берут за сорокоусты, за молитвы по умершим, от 40 рублей до 80 и до 100, и 150 рублей и дороже. Разве такая молитва годится? Ведь это купленная молитва. Разве Бог ее примет?

Раздался звонок. Пассажиры пошли покупать билеты. Мне нужно было ехать в противоположную сторону. Со мной в комнате осталась одна дама. Указывая на стул, где сидел миссионер, она спросила:

– Этот господин, наверное, убежденный?

– Это православный миссионер, – ответил я.

– Я жалею, что фельдшер вмешался в ваш разговор. Мне очень хотелось послушать беседу. Меня

мучает этот вопрос, о котором вы начали говорить. Ведь это невыносимо оскорбляет христианское чувство. Вот, например, пошла я к священнику и говорю ему: «Батюшка, отслужите молебен», – а он спрашивает меня: «А за сколько? За полтиник, за рубль или за полтора?» Это меня страшно обидело. Я и думаю: «Господи, да что же это такое? Неужели и молитва продается за деньги?» Долго я не могла дать себе отчета: как это так? А ведь так бывает сплошь и рядом. Если молитва в полтинник хороша и будет услышана Богом и уважена, тогда на что же молитва за рубль и за полтора? А если же за 50 копеек не будет услышана, то зачем же предлагать ее людям? Ведь она бесполезна.

Пришел поезд. Дама ушла. Я сидел и думал: во что люди превратили Христово учение? Одно у них – «принято не нами», другое – «только форма», третье – «в церковных правилах стоит», четвертое – «за деньги покупается».

ПОСЕЩЕНИЯ АРХИЕРЕЯ И АРХИЕРЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ

Из села Нововасильевки от имени братьев нас послали в г. Симферополь хлопотать перед губернатором о разрешении перенести наши собрания из сарая, в котором мы собирались, в благоустроенный молитвенный дом.

Будучи в Симферополе, мы решили побывать и у архиерея. Пришли. Архиерей встретил нас.

– Что за цель вашего посещения? Уж не желаете ли вы вступить в православие? – с улыбкой спросил он.

– Мы пришли по несколько иному делу, – стал говорить я. – На недавнем миссионерском съезде в Симферополе было постановлено считать нас, баптистов, штундистами. Вам хорошо известно, что мы не штундисты, а баптисты. (Архиерей был в Америке и хорошо знал, что представляют собой баптисты, так как в Америке их немало). Нельзя ли изъять название «штундисты», и, если возможно, мы просили бы вас оказать нам в этом содействие.

– Этого я вам не обещаю, потому что это зависит не от меня, – ответил архиерей.

– Не можем ли мы, по крайней мере, узнать, с какой целью нам, баптистам, присвоили такое прозвище? – продолжал спрашивать я.

– Баптизм не только в нашем государстве, но и в других признан как исповедание, не носящее в себе ничего противогосударственного или вредного: штунда же содержит в себе и то и другое. Для того, чтобы с вами было легче бороться, вам и дали это прозвище, – ответил он. – Завтра у нас в соборе торжественное богослужение, не желаете ли посетить? – меняя тон, любезно предложил архиерей.

– Хорошо, если живы будем и Господь позволит, посетим, – согласились мы.

На другой день, в назначенный час, мы пришли в собор и постарались встать на видном месте. Архиерей был уже в соборе. Вскоре он увидел нас и стал кланяться, приветствуя нас издали. По окончании служ-

бы он подошел к нам и, вежливо поздоровавшись, спросил:

– Что хорошего?

– Все хорошо, – ответил я.

Архиерей прошел к себе, а мы пришли в нашу квартиру и стали ожидать друга архиерея, редактора газеты «Крым» Николая Николаевича Болабуха, который по известному нам обычаю должен был зайти к нам, чтобы осведомиться о нашем впечатлении от архиерейской службы.

Поздно вечером к нам в номер постучался Николай Николаевич. После приветствий он спросил:

– Какое впечатление на вас произвело архиерейское служение?

Я стал объяснять:

– Мне очень понравился голос у протодиакона, который несколько раз произносил «миром Господу помолимся». Однако же из собора я ушел крайне разочарованный.

– Почему?

– Я все ждал, что вот-вот начнут все молиться Богу, внимая призыву протодиакона. Однако что-то неладное случилось на этот раз с архиереем: он то вставал, то садился в свое кресло, то распоясывался, то подпоясывался, то снимал свою митру, то одевал ее снова, и другие помогали ему в этом. Так что все служители чрезмерно суетились возле архиерея, а протодиакон, может быть, с той целью, чтобы внимание людей перевести с архиерея на Бога, все продолжал взывать: «миром Господу помолимся». Но усилия протодиако-

на так и не увенчались успехом: служба окончилась, и все ушли, не помолившись. Я так и не понял, кто был виновником тому, что за целую службу ни разу не помолились Богу. Неясно, что послужило причиной этого: то ли что неладное с архиереем, то ли еще что-то другое...

Когда я сказал это, Н. Н. Балабухов засмеялся и ответил:

– Это верно, у нас всегда такая неудача!

ГУБЕРНАТОР В СОБРАНИИ

Первые собрания в г. Омске происходили в 1905 году в помещении пожарного депо. Когда братья просили у губернатора Романова разрешение на собрания, он спросил:

– Кто будет у вас проповедовать?

– Мазаев, которого мы пригласили.

– Я слышал про него. Пожалуйста, если он будет, известите меня: я тоже хочу быть на вашем собрании.

О моем приезде дали знать губернатору. Он прибыл в собрание. Когда собрание закончилось, губернатор подошел ко мне, сжал мою руку и со слезами благодарил:

– Я тронут вашей проповедью. Первый раз в жизни слышу такую русскую проповедь. Дай Бог вам успеха в распространении Евангельской истины.

К губернатору подошел бывший на собрании миссионер Орлов и с тревогой сказал:

– Ваше превосходительство, у них будет какое-то тайное заседание. Следовало бы нам установить над ним надзор.

– Ради Бога, оставьте их. Разве можно заподозрить таких людей в чем-либо плохом? – спросил губернатор.

Недовольный расположением губернатора, Орлов вышел. За ним вышли и священники, присутствовавшие на собрании.

НА СУДЕ

В Петропавловске заседала выездная сессия окружного суда. Назначено было к слушанию дело о баптистах, отце и сыне Гавриковых и Мокееве. По обвинительному акту им приписывалось кощунство, заключавшееся в том, что они православные храмы называли сараями, мощи – пропастиной, а иконы – чурками.

Я и мои два брата были допущены в зал заседания. После обычных церемоний начался опрос свидетелей. Первым был вызван православный, показания которого подсудимые боялись, полагая, что он больше других может наговорить всякой неправды, будучи другом священника.

Свидетель приблизительно показал следующее:

– Я был соседом Мокеева еще в России. Знал его как человека умного, хотя и неграмотного. Услышав уже здесь в Сибири, что он перешел в новую веру, я

поинтересовался, что это за новая вера? Однажды вечером я пошел к нему и сказал: «Я пришел к тебе по важному делу, не скрывай от меня, а скажи, правда ли, что у тебя теперь новая вера? И если да, то почему? В ответ на мой вопрос Мокеев взял Евангелие и, подавая его мне, сказал: «Ты знаешь, что я человек слепой, читать не умею; а вот ты возьми и открой третью главу Евангелия от Иоанна и прочти шестнадцатый стих. Веры я не менял, а только нашел ее в Евангелии. Я взял Евангелие и прочел: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Слова эти остались в моей душе. Побеседовав с Мокеевым, я ушел, – закончил свое показание свидетель.

– А об иконах, мощах и храмах разве разговора не было? – спросил председатель.

– Нет, не было, – ответил свидетель.

– А когда вы говорили правду?

– Сейчас я говорю сущую правду.

– А почему при допросе вы показали иначе?

– Я ничего другого не говорил, – сказал свидетель.

– Я был в поле. За мной пришел полицейский и сказал: «Сейчас же иди домой». Я перепугался. Пришел домой и вижу у себя священника и урядника. «Ты беседовал с Мокеевым», – спросили они. – «Беседовал». – «Ну, так на, подпиши». Я подписал лист, который мне дали. Что там было написано, я не знаю: они мне не читали его, а я малограмотный.

Вызывается другой свидетель, молодой человек. Он рассказал следующее:

– Гавриков – мой товарищ. Как-то раз я встретился с ним на улице и спросил его: «В какую ты новую веру ушел?» Он отказался со мной разговаривать, сказав, что ему сейчас некогда: «Поговорим в другой раз обстоятельней». Как-то вечером я зашел к нему по его приглашению. «Теперь расскажи мне, какую ты новую веру нашел?» – спросил я его. Он открыл Евангелие и стал читать. Читал мне, как Христос телом Своим вознес грехи наши на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для истины, как Бог возлюбил мир и еще что-то. А я ему и говорю: как же ты ушел из церкви, а ведь у нас в церкви, когда бывает служба, как зажгут огни, так аж на душе весело станет! Гавриков мне говорит: «Огни можно зажечь и в доме, и в храме, и в сарае: где ни зажги, они гореть будут. А в городах горят огни и на улицах. Да вот церковь–то православная упала».

– Свидетель, как это церковь православная упала? – спросил председатель.

– Да, вот как, ваше превосходительство: церковь – это мы, люди, – указывая на себя, говорил свидетель. Потом, повернувшись к сидящему в зале священнику и указывая на него, сказал:

– А священники все пьянствуют, и мы – за ними.

Только сказал он это, как председатель, прокурор, защитник и другие, закрыли лицо бумагой и сидели так некоторое время, очевидно, не имея сил сдержать улыбки.

НЕЧЕСТНЫЕ ЛЮДИ

В другой раз мне пришлось быть присяжным заседателем в окружном суде. Перед приведением к присяге православных заседателей священник вздумал сказать речь, в которой силился доказать святость, важность и необходимость присяги.

– Хорошие, честные люди, – говорил священник, – дают простое обещание и исполняют его, а вы даете присягу и должны свято ее исполнять.

Когда присяга кончилась и священник ушел, я подошел к знакомому Ивану Петровичу, тоже присяжному заседателю, и спросил его:

– Иван Петрович, как вам понравилась речь священника? Обратили ли вы внимание на его слова: «люди честные дают обещание и выполняют его», а вы?..

– Выходит, мы нечестные люди и должны давать присягу. Нечего сказать, – похвалил нас батюшка, – догадался Иван Петрович и добродушно рассмеялся.

– По моему наблюдению, вы священнику больше верите, чем Самому Иисусу Христу, – продолжал я.

– Как это больше? Мы верим священнику потому только, что он Христово учение проповедует, – возразил он.

– Бывают случаи, когда священники заставляют вас делать то, чего Иисус Христос совсем не повелел. Например, Иисус Христос сказал: «не клянись вовсе», а священник, раскрывая Евангелие, в котором это написано, заставляет вас целовать его и учит говорить

«клянусь». Скажите, кому же вы больше верите?

– Вы правы, Гавриил Иванович, мы весь век целуем Евангелие и клянемся, а никому и в голову не приходит, что это запрещено в этом же Евангелии, которое мы целуем. Недаром вас боятся священники, оказывается, вы лучше их знаете учение Иисуса Христа. Придется, видно, и мне приняться за чтение Евангелия, – закончил Иван Петрович.

У КОГО ЧЬЯ ВЕРА?

В Петропавловске, после объявления войны Германии с Россией, меня встретил земский начальник Пономаренко (бывший епархиальный миссионер) и сказал:

– Вот, Гавриил Иванович, теперь-то мы знаем, кто вы такие, баптисты.

– Это хорошо, что вы узнали нас, а то раньше вы и миссионером были, и боролись с нами, а не знали нас, – ответил я.

– Нет, я и тогда знал, но не так хорошо, как теперь. Теперь я окончательно убедился, что вы немцы.

– Почему это мы стали немцами?

– Да как же, ведь ваша вера от немцев.

– Наша вера от Бога, а если, как многие по незнанию своему считают, мы переняли ее от немцев, то и тогда нельзя считать нас немцами. Если нас считать немцами, то вас нужно считать греками. Скажите, пожалуйста, Карл – имя русское или немецкое?

– Немецкое, русских имен таких нет.

– Теперь скажите: как это мог попасть к вам, в Святейший Русский Синод, главным руководителем Владимир Карлович Саблер? Почему вы взяли в Святейший Синод немца, а не грека?

– Одно лицо, я думаю, не имеет значения, – ответил он.

– А я не так думаю. В душе вы прекрасно сознаете, что немцы все же честнее, чем греки, по крайней мере, они не торгуют деревянными стружками из каменного гроба Господня. А греки и из религиозных чувств простого народа сделали постыдную торговлю.

– Как вы, Гавриил Иванович, не оправдываетесь, все же вы немцы по вере.

– А вы греки и поддерживаете торговлю стружками и мощами. Это же уму непостижимо: сколько деревянных стружек от каменного гроба Господня распродали греки! Если бы все проданные стружки собрать, то, наверное, их хватило чтобы завалить город Петропавловск?

– Смотрите, Гавриил Иванович, после войны мы с вами разделаемся, – с угрозой закончил Пономаренко.

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ВСТРЕЧ СО СТАРООБРЯДЦЕМ

В Петропавловске проживал уважаемый старичок – старообрядец Поляков, который любил поговорить со мной на религиозные темы.

Однажды он встретил меня и сказал:

– Вот вы, Гавриил Иванович, не молитесь святым и не празднуете их, а вот мы почитаем святых угодников. Помолились Илье пророку, а он нам и дождичку дал.

– У меня на заимке тоже хороший урожай. Дождик был, но только нам его Бог дал, – ответил я.

– Чудак вы какой, и нам Бог дал.

– Ну если и вам Бог дал, так Илия-то тут причем?

– Вы все по-своему, Гавриил Иванович, и не понимаете помощи святых. А я вот, когда уезжаю далеко из дому, то хозяйство свое и семью поручаю угоднику Божию Николаю, и он охраняет все.

– Я месяца по три не бываю на заимке и поручаю все воле Божией, и у меня все цело, – ответил я.

– Чудак вы какой, Гавриил Иванович, право чудак: ведь и я полагаюсь на волю Божию.

– Если и вы полагаетесь на волю Божию, так Николай-то тут причем?

– Нет с вами не поговоришь, вы все по-своему толкуете, – добродушно улыбаясь, закончил Поляков.

В другой раз тот же старообрядец встретился со мной и начал убеждать меня, что у них хорошая ста-

рая вера. Долго он расхваливал свою старую веру и наконец закончил:

– Вот что, Гавриил Иванович, человек-то вы уж очень хороший. Давайте–ка переходите в нашу веру!

– Ну если я перейду в вашу веру, что мне за это будет? – спросил я.

– Как что? Спасение получите...

– А вы давно в этой вере?

– Да, слава Богу, родился в ней.

– А спасение получили?

– Нет, еще не получил, – ответил старообрядец.

Вот видите, вы и родились в этой вере, а все еще спасения не получили. Как же я получу спасение, если перейду в нее?

– Нет, с вами не стоворишься, Гавриил Иванович, вы все по-своему толкуете.

Как-то он снова встретил меня.

– Пресвитер, ну как живете? Наверное, все Евангелие почитываете? – с улыбкой спросил он, здороваясь со мною.

– Да, – сказал я.

– А я вот Псалтирь читаю и особенно люблю девяностый псалом. Уж и хорошие слова там: «Избавлю его и прослаблю его, долгою дней насыщу его и явлю ему спасение Мое».

– А правду это Бог говорил? – спросил я его.

– Конечно, правду.

– Если правду, то есть ли кто-нибудь спасенный в нашем городе? Укажите мне?

Он указал на лавочника-татарина, мимо которого мы проходили и сказал:

– Вот, может быть, этот лавочник спасен.

– Ну пойдём к нему и спросим: спасен ли он? Что он нам скажет.

– Да и кто знает об этом!

– А мне вот Бог явил Свое спасение, и я знаю, что спасен, – сказал я, прощаясь с Поляковым.

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ВСТРЕЧ И БЕСЕД С МОЛОКАНАМИ

КОГО СЛЫШИТ БОГ

Ко мне в имение поступил на службу бывший станичный писарь П. Д. Однолько. Вскоре он обратился к Господу. Наступило время его призыва, и он решил уехать от нас пораньше, чтобы до службы увидеться со своей матерью и родственниками. Мы собрались проводить его и в молитвах наших просили Господа, если Ему угодно, освободить его от службы.

Через небольшой промежуток времени собрались и молокане проводить новобранца и тоже молились, – но только псалмами царя Давида, а не своими молитвами, – чтобы Бог оставил его на свободе.

По этому случаю при встречах молокане говорили нам:

– Вот, баптисты, увидите, что Бог вашу молитву не

услышал и ваш молодец будет служить, а наш вернется домой.

Мы ответили им:

– Посмотрим, как сделает Бог...

Однолько приехал к своим родителям, которые на радостях в следующий же воскресный день заказали в церкви акафист. На акафисте присутствовали сын их и другие родственники и знакомые. После службы они возвращались в свою деревню и по дороге разговаривали. В разговоре Однолько обратил внимание своих спутников на то, что священник, служа акафист, ни одного слова не произнес про него и про чувства его родителей, а во все время акафиста говорил только о себе. Некоторые заинтересовались и решили проверить – так ли это?

В следующую службу опять заказали акафист, и внимательно вслушиваясь в каждое слово священника, удостоверились, что действительно он ни слова не говорит о том человеке, который заплатил ему деньги и заказал акафист, как и о том случае или деле, по какому акафист заказан. Удостоверившиеся в этом взяли за Евангелие, стали читать его и нашли в нем еще, что мужчине неприлично носить длинные волосы, как у женщин, и молиться Богу с покрытой головой для мужчины бесчестие. Найдя это, один человек отважился и после церковной службы, при народе, подал священнику Новый Завет и спросил:

– Скажи, батюшка, это Евангелие правильное?

Священник посмотрел, Евангелие было обыкно-

венное, отпечатанное по благословию Святейшего Синода.

– Правильное.

– Нет, ты еще посмотри! Не ошибаешься ли?

– Я говорю то, что Евангелие самое обыкновенное, правильное.

– Так, значит, можно ему верить?

– А то как же, – ответил священник.

Тогда православный сказал:

– Если Евангелие правильно, то вот у тебя длинные волосы и камилавка на голове во время молитвы – не правильны!

– Я поговорю с тобой после, старался отделаться от него священник.

– Нет, ты мне скажи, почему ты их носишь? Вот в первом послании Апостола Павла коринфянам, в одиннадцатой главе, четвертый, седьмой и четырнадцатый стихи говорят, что это бесчестие, – не унимался православный.

– После с тобой поговорю, после!

– Нет, ты сейчас прочти!

Священник прочесть не соглашался, а тот настаивал. Поднялся спор и шум...

Пастыри произвели дознание и узнали, что на чтение Евангелия натолкнул людей Однолько. Когда он явился на призыв в воинское присутствие, там объявили ему, что вследствие таких-то обстоятельств он зачисляется на военную службу без жребия и без очереди. Услышав это, он с поникшей головой присоединился к группе принятых на службу.

После окончания приема, военачальник сделал перекличку всех принятых на службу, а фамилию Однолько не назвал. Однолько подошел к нему и спросил:

– Господин начальник, а почему вы не назвали меня?

– А ты кто такой?

Он объяснился.

Военачальник (мусульманин) сказал:

– Тебя приняли без жребия, не по закону... На тебя пал дальний жребий. Можешь отправляться домой.

Однолько пришел домой, а новобранец молокан остался на службе. Так показал Бог, кого Он слышит.

ВОЛЯ БОЖИЯ

На одном из хуторов Кубанской области у молоканина Федора Ермолаевича Скобелева жена Акелина Мокеевна, уверовав в Господа, исполнила волю Божию и приняла водное крещение. На радостях она пригласила к себе гостей; мужа дома не было. Собравшиеся в радостном настроении беседовали. В разгар беседы приехал муж Скобелевой – Федор Ермолаевич. Узнав, по какому случаю гости, он при людях кинулся на жену браниться:

– Как ты смела без моего согласия креститься?

Жена начала его успокаивать и оправдываться, но Скобелев не унимался и продолжал свирепеть и кричать:

– Так ты без меня вздумала креститься?.. Креститься? А... Креститься? Неси кнут!

Акулина Мокеевна покорно принесла кнут и подала мужу.

– Ложись на пол! – скомандовал муж.

Жена в присутствии гостей легла на пол. Гости наблюдали, чем кончится эта дикая сцена. Испуганные, они стояли в ожидании. Скобелев замахнулся кнутом, но вдруг бросил его в сторону, приговаривая: «Что ты со мною сделала?» Затем он зарыдал и со слезами стал просить прощение у жены, извиняясь перед ней и советуя ей оставаться верной Господу.

Успокоившись, Скобелев сел вместе с гостями пить чай, мирно разговаривая и читая из Священного Писания, высказывая свое удивление гостям по поводу перерождения жены, которая хотела принять без ропота и сопротивления удары мужа, тогда как раньше она не оставляла без возражения ни одного слова.

Вскоре Скобелев со своими односельчанами повез шерсть на станцию Тихорецкую. Сидя на возу, он размышлял о милости Божией, о том, как обратилась его жена, и думал: «Может быть, и меня примет Господь», а он, хотя и считался молоканином, был страшным пьяницей.

Во время размышлений он получил от Господа откровение, остановил лошадей, слез с воза, встал на колени, поднял кверху руки и благодарил Бога за прощение ему грехов. Собравшиеся возле него односельчане удивлялись происшедшему и вместе с ним радовались его обращению.

Вернувшись из этой поездки новым человеком, он в скорости исполнил волю Божию и сам принял водное крещение.

ЧЕСТНЫЕ МОЛОКАНЕ

В 1886 году в нашем имении шил одежду молоканин, пришедший из села Максимовки Тамбовской губернии. Он рассказал, что молокане в их селе расстроены: ищут путь примирения с Богом, но не знают, как найти его; молиться сердечной молитвой не умеют, а псалмами молиться перестали. Случилось это так: при окончании собрания пресвитер их общины стал молиться, – по обычаю молокан – псалмами. На этот раз он взял 26 псалом и дочитал его до 10 стиха, где говорится: «Ибо отец мой и мать моя оставили меня, но Господь примет меня». При чтении этого стиха один из молящихся неожиданно проговорил:

– Стой, брат, остановись! Не читай этого стиха. Зачем ты говоришь Богу неправду, что отец твой и мать твоя оставили тебя. Разве тебя отец и мать оставили? Да они с тобою живут и любят тебя. Зачем же Богу говорить неправду?

Все признали, что он прав, и читать эти слова пресвитеру нельзя. Стали рассматривать другие псалмы и в каждом псалме находили что-нибудь, чего не должны бы читать тот или другой человек. После обсуждения решили псалмами не молиться. Придут, почитают что-нибудь и без молитвы разойдутся. Все

чувствовали, что так не годится, но никто не знал, как нужно правильно молиться?

Люди эти встали перед моим умственным взором. Я вспомнил себя, как когда-то и я, будучи молоканином, не умел молиться Богу. Днем и ночью я думал о них. Наконец я решил поехать и помочь им. Село это было в 900 верстах от нас, но расстояние меня не смущало.

Молокане приняли меня хорошо и позволили мне в собрании проповедовать. Я указал на текст: «Пойди по дорогам и изгородям и убеди прийти». В проповеди я говорил о том, что брачный пир приготовлен Христом, но многие отказываются идти на него по разным причинам. Есть люди, которые сознают свою обязанность идти на брачный пир и, зная, как войти туда, откладывают свое обращение со дня на день. А смерть не ждет. Какой отчет эти люди дадут Богу? Что скажут они в свое оправдание, когда смерть поразит их? Могут ли они сказать, что они не знали путей Божиих и их никто не убеждал войти в Царствие Божие?

Подробности всей проповеди теперь я не помню, но отлично помню ее действие. Проповедь коснулась многих измученных сердец. Во время ее многие в собрании плакали навзрыд. По окончании я пригласил присутствующих к молитве.

Все встали на колени. В этом собрании в первый раз начал молиться сердечной молитвой Ефим Иванович Семилетов, а за ним и другие. Прожил я в этом селе четыре дня и каждый день имел собрания. В пер-

вый день молокане назначили пост. В это посещение членами церкви стали восемь душ. После посещения их братом Ивановым членами церкви стали еще 70 человек, а затем брат Примоченко проводил у них собрания, на которых еще 60 душ обратились к Богу.

БЕСЕДА О КРЕЩЕНИИ И МОЛИТВЕ

В хуторе Тамбовском, Кубанской области, на реке Урупе, жили молокане. Они неохотно принимали у себя баптистов. С некоторыми из них я однажды встретился у Мокеевых. Они предложили мне побеседовать с ними о крещении на таких условиях: я выберу одно место из писания в защиту водного крещения, а они выберут одно место в защиту духовного крещения. Я согласился и выбрал обращение евнуха (8 гл. Деян.), а они выбрали беседу Христа с самарянкой (Ин. 4 гл.).

На основании беседы Христа с самарянкой они объяснили, что крещение должно быть живой водой.

– Там сказано: нужно пить живую воду, а не креститься в ней. Если вы так понимаете, как написано, то и я с вами согласен, – ответил я.

– Да, мы так понимаем, – подтвердили они, и наша беседа перешла на обращение евнуха.

Я спросил их:

– Где вы признаете крещение совершившимся? В то время, когда евнух был в воде, или в то время, когда он вышел из воды и Дух Святой сошел на него?

Один из собеседников, Макар Николаевич, сказал:
– Признаю крещение совершившимся в то время, когда евнух был в воде.

Другой из них говорит:

– Ну, Макар, оставь. Теперь дело не пойдет: он тебя затолкает.

Я говорю им:

– Как с вами беседовать?.. Я найду вам два места из Писания, в которых ясно сказано о крещении водой. Вы будете говорить, что это духовное крещение; найду другое место, где не сказано о крещении водой, а вы будете утверждать, что оно относится к водному крещению.

Они стали отказываться и говорить, что этого с ними не будет.

– За кого же вы считаете нас? – обижались они.

Я открыл 1 посл. Кор. 1 гл. 14–17 ст. и стал читать. Не дочитал до конца, как один из них говорит:

– Вот видишь, Павел не крестил водой и отказывается; говорит, что Христос вовсе не посылал его крестить водой.

Я спросил:

– Где же здесь написано «водой»? Ведь здесь не написано? Почему же вы знаете, что водой?

– Что же, мы разве маленькие? Разве нельзя догадаться? Тут по смыслу ясно, что речь идет о водном крещении, – утверждали они.

Тогда я открыл Деян. Апостолов, 10 гл. и, прочитав 47 и 48 ст., спросил:

– Здесь написано, что Апостол Петр велел крес-

титься Корнилию и бывшим в его доме водою. Вы согласны с этим?

Они стали отрицать:

– Это вовсе не водой, а духом.

– Тут же написано водою?

– Мало ли что написано. Понимать надо, что это духом.

Тогда я сказал им:

– Вот и оказалось, что я прав. Как вначале я говорил о вас, так и получилось: там, где о воде не написано, вы утверждаете, что говорится о воде; где же написано о воде, вы говорите, что говорится о духе. Сказав это, я обратился к молодому человеку из них же и спросил его:

– Вы признаете, что Корнилий был крещен в воде?

Подумав немного, он ответил:

– Да, признаю, что был крещен в воде.

– Этот молодой человек понимает правильно, – сказал я всем.

Между молоканами завязалась беседа, а молодой человек спросил меня:

– Можно ли молиться псалмом, который я особенно люблю?

– Что это за псалом?

– 101-й, прочитайте его вслух.

Я раскрыл Библию и прочел этот псалом.

Он спросил:

– Ну как, по-вашему, хорошие слова?

– Очень хорошие слова, – ответил я и стал его спрашивать: где он живет, есть ли у него там родствен-

ники и семья, бывало ли с ним так, что утром, вставая с постели, он никого не узнавал, бывала ли подушка его мокрая от слез, и, когда он пил чай, случилось ли, чтобы слезы падали в блюдечко и мешались с чаем, не ел ли он пепел вместо хлеба, не был ли он подобен птице в своем одиночестве и так далее. Я спросил у него все то, о чем написано в его любимом псалме. На каждый вопрос он отвечал мне: Бог миловал, со мной подобного еще не случилось. Я опять взял 101-й псалом и прочел его вслух. Когда я читал, молодой человек часто и глубоко вздыхал.

По прошествии нескольких недель я опять встретился с молодым человеком. Он рассказал, что, когда они уехали от Мокеевых, его товарищи напали на него: «Разве мы не знаем без тебя, что Корнилий крещен водой! Как будто ты один только знаешь. И мы это знаем. Только в беседе с баптистами надо говорить, что Корнилий крещен не водой, а духом». Наставление это мучило его всю дорогу. «Написано водой, а говорить надо не водой – какая в этом надобность? Почему это так?» – думал он.

Приехал он домой и перед отходом ко сну хотел было помолиться Богу. Встал на колени, но, вспомнив разбор псалма, он не мог им помолиться; стал перебирать в памяти другие псалмы, но и они тоже не подходили к его переживаниям. В волнении он вышел во двор. Долго ходил он и думал: «Мы, молокане, заблуждаемся, отвергая сердечную молитву и покаяние. Баптисты правы. Они и Богу молятся правильно, и на крещение смотрят так, как Слово Божие учит. А мы?»

Мы противимся Богу и отвергаем Его волю! Что-то будет нам? Что-то будет мне? Сердце его было неспокойно. Он видел, в каком ужасном заблуждении находится молоканство. Видел и себя как грешника, как противника Божией воли. В эту ночь он обратился к Господу, и Дух Божий научил его сердечной молитве. Так что, псалмами я больше не молюсь», – с радостью заявил он в заключение нашего разговора.

ПРОБУДИЛИСЬ

После обращения к Господу молодого человека, о котором говорилось выше, хутор Тамбовский посетил брат Чечеткин. Молокане его приняли. Он проводил собрания, на которых несколько душ обратились к Господу.

Мне тоже представился случай посетить этот хутор. Я приехал туда в воскресный день, зашел в дом.

– Где у вас проходят собрания? – спросил я. Мне указали. Молокане меня встретили приветливо. Утреннее и вечернее собрания прошли оживленно и радостно, при действии Святого Духа.

Утром я поехал домой. На вокзал меня отвозил старик молоканин. Возница мой был невесел и часто вздыхал. Когда мы проехали уже порядочное расстояние, он, обернувшись ко мне, стал рассказывать:

– В эту ночь я пережил столько волнений, сколько не переживал за все 60 лет. С вечера я скоро уснул, но меня разбудил шорох. Стал я на дворе, прислушался –

и что же? Невдалеке от меня человек стоял на коленях и тихо молился Богу. Я долго слушал, как он вдохновенно молился. Посмотрел в другую сторону и увидел: женщина вышла из дома, пала на колени и начала молиться. Я слышал, как в разных местах и дворах молились люди. Мне было не до сна. Настало утро. Смотрю: на улице мальчик встал на колени и начал молиться; девочка, гнавшая гусей мимо меня, в каком-то восторге стала молиться и плакать. Весь хутор я видел молящимся, от малого до большого. Что случилось с нашими молоканами – не могу понять. Да дивен Бог, – сказал старик, стараясь подавить волнение и слезы.

ЗЕЛЕНый ДОМИК

При посещении Благовещенска меня пригласили на чай в молоканскую семью. Среди гостей я встретил представителей молокан, мормон и баптистов, которые в Благовещенске имеют свои молитвенные дома. Дома построены в ряд на площади: молоканский окрашен в светло-коричневый цвет, мормонский – в красный, а дом баптистов – в зеленый.

Глядя на линию молитвенных домов, в моем уме рисовалась картина. Я решил поделиться с собеседниками тем, что открылось моему взору.

– Идет почтенный старец, убеленный сединой, – начал я рассказывать, – входит в город Благовещенск, видит три молитвенных дома и спрашивает прохожих:

– Укажите, пожалуйста, в который дом ходят христиане молиться? Мне вот тоже помолиться нужно.

– А вы кто? – спрашивают его.

– Я Павел Апостол, поверивший в Иисуса Христа и принявший от Анания крещение.

– Идите вон в тот зеленый домик, там собираются христиане.

Идет женщина с семьей и тоже спрашивает:

– Где здесь собираются христиане? Укажите, пожалуйста.

– А вы какие христиане?

– Я Лидия, – а это мои домашние. Меня крестил по вере Апостол Павел.

– Так вы идите в зеленый дом, там собираются крещенные по вере.

Через некоторое время идет новая группа людей, и снова слышится вопрос:

– Куда бы нам зайти помолиться вместе с христианами?

– А вы из каких христиан будете?

– Я Корнилий, а это – слушавшие со мной Слово Божие и принявшие водное крещение при посещении нас Апостолом Петром.

– Идите вон в тот зеленый домик, там молятся приемлющие водное крещение.

Не успел Корнилий со своими спутниками отойти, как на хорошей колеснице подъехал чернокожий эфиоплянин и спросил:

– В котором доме собираются христиане?

– Вам каких христиан нужно?

– Крещенных по вере. Я, хранитель сокровищ царицы Кандакии, крещен в воде Филиппом.

– Такие христиане собираются в зеленом домике, поезжайте туда вот за ними, – указывая на Корнилия, ответили ему.

Вслед за ефиоплянином идет много мужчин и женщин.

– Мы хотим помолиться и не знаем, куда нам зайти?

– А вы из каких христиан будете?

– Да мы христиане из Самарии, нас крестил Филипп, а руки на нас возлагали Апостолы Петр и Иоанн.

– Идите вон в тот зеленый домик, у крыльца которого стоит колесница.

Показалась толпа, больше прежней, человек около трех тысяч. Из толпы задают вопрос:

– Где здесь собираются на молитву?

– А вы кто такие?

– Мы те христиане, которые поверили словам Апостола Петра и приняли крещение.

– Идите в зеленый домик. Видите, к нему направляется много народу?

Идет величественный и благородный мужчина и, остановившись, спрашивает:

– Прошу вас, укажите мне, в котором доме собираются христиане, исполнившие волю Божию и принявшие крещение?

– А вы кто сами? – почтительно спрашивают его.

– Я Иисус, принявший крещение от Иоанна.

– Пожалуйте вон за теми людьми в зеленый дом.

Через несколько времени вошли в Благовещенск мужественные старцы, убеленные сединою, и тоже спросили:

– Где нам здесь помолиться?

– А вам нужно христиан, принимающих водное крещение по вере?

– Нет, нет, – начали отмахиваться они руками.

– Каких же христиан вам нужно?

– Тех, которые водного крещения не принимают (Лк. 7:30).

– А... Такие христиане собираются вон в том светло-коричневом доме, идите туда!

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ БЕСЕД С МАГОМЕТАНАМИ

ЧЕЙ СЫН ИИСУС ХРИСТОС

При одной моей беседе в Петропавловске об иконопочитании присутствовало много мусульман, которые очень заинтересовались беседой и слух обо мне распространили по татарскому населению города.

Один из мусульман, г. Бирюшев, через нашего общего знакомого сказал мне о своем желании познакомиться со мною. Я приехал к нему. Он пригласил меня в кабинет, и его первые слова были:

– Царь вам не родственник?

– Нет, – ответил я.

– А он вам незнаком?

– Нет.

– Как же вы так смело говорите об иконах? Ведь вас засудят.

– Нет, со мной ничего не сделают.

– Почему?

– Меня вызывают на беседу сами миссионеры, и святотатственного я ничего не говорю, а только на основании Священного Писания доказываю, что в поклонении иконам нет воли Божией и что это чисто человеческое установление.

– Наши татары очень довольны беседой и говорят, что с вами миссионеры беседовать не могут.

Поговоривши еще кое о чем, я спросил Бирюшева:

– Скажите, нет ли у вас в Петропавловске муллы образованного и хорошо говорящего по-русски?

– На что вам?

– Я хотел бы поговорить с ним о Христе. Как понимают магометане Иисуса Христа?

– Мы почитаем его за великого пророка, но не признаем за Сына Божия, – ответил Бирюшев. – Если почитать Его за сына Божия, то тогда у Бога должна быть жена – с чем мы никак не можем согласиться!

– Я читал Коран на русском языке, – продолжал говорить я. – Правильно ли переведен, я не знаю, мне хотелось бы это проверить. В Коране написано так: когда дева Мария была в комнате, к ней прилетел Архангел Гавриил и сказал, что она родит сына. Она сказала ему: как это может быть, у меня мужа нет? Архангел ответил ей: Бог делает, что хочет. Она с этим

согласилась, и Архангел улетел. Через некоторое время она родила сына, который назван в Коране Иисусом, сыном Марии. Правильно ли это?

– Правильно, у нас так написано, – подтвердил Бирюшев.

Тогда я сказал:

– Скажите, как вы думаете: если я, русский человек, взял бы в жены татарку, и у нас родился бы сын, кто бы он был – русский или татарин?

– Я затрудняюсь сказать... Не знаю, кто бы он был...

– А я знаю... Он был бы по русскому отцу – русский, а по матери-татарке был бы татарин.

– Это верно! Это верно!

– Так вот и Иисус Христос родился от девы Марии, и по матери Он человек; а так как Мария мужа не имела и Бог делает, что хочет, то кто Он по отцу? Кто Ему отец?

Бирюшев задумался. Некоторое время он думал и согласился:

– Да, это правильно, это верно... К сожалению, образованного муллы у нас здесь нет.

– Жаль, очень жаль, я желал бы побеседовать с ним, – сказал я, прощаясь с Бирюшевым.

КОМУ ДОВЕРИТЬ СПАСЕНИЕ ДУШИ: МОИСЕЮ, ХРИСТУ ИЛИ МАГОМЕТУ?

Слух о моей беседе с Бирюшевым, переданной в предыдущей главе, очевидно, распространился среди

татар, и они целыми группами приходили в мой дом беседовать со мною.

Однажды пришел ко мне мусульманин, старик преклонных лет, и сказал мне:

– Я пришел побеседовать с вами о спасении души. Как вы верите? – расскажите мне.

– Спасение души – не простое и не маловажное дело, – отвечал я. – Это серьезный вопрос, и в него нужно вдуматься основательно. Прежде всего нужно знать, кому доверить душу для спасения. Возьмем известных нам представителей трех религий: Моисея, Иисуса Христа и Магомета. Понятно, что довериться в таком великом и важном деле всякому нельзя. Сначала надо хорошо знать: кто откуда и имеет ли берущий на себя миссию спасения свидетельство от Бога. Возьмем для рассмотрения сначала Моисея. Кто он?

О МОИСЕЕ

Библия свидетельствует нам об отце и матери Моисея, что они были евреями. Она говорит нам о детских годах Моисея, его воспитании и всей его жизни. Из свидетельства Библии нам ясно, что Моисей был по национальности евреем, избранным Богом в вожди Своего, израильского, народа. Посмотрим на него как на вождя. Куда он привел евреев? Во Второзаконии (34 гл. 1–6 ст.) читаем:

«И взошел Моисей с равнин Моавитских на гору Нево, на вершину Фасги, что против Иерихона, и

показал ему Господь всю землю Галаад до самого Дана, и всю землю Неффалимову, и всю землю Ефремову и Манассиину, и всю землю Иудину, даже до самого западного моря, и полуденную страну и равнину долины Иерихона, город Пальм, до Сигора. И сказал ему Господь – вот земля, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: «семени твоему дам ее»; Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь. И умер там Моисей, раб Господень, в земле Моавитской, по слову Господню. И погребен на долине в земле Моавитской, против Веф-Фегора».

Таким образом, мы видим, что Моисей не ввел евреев даже в землю обетованную, он не перешел даже реку Иордан, а умер на горе Нево. И это несмотря на то, что Бог был с ним, шел перед ним в столпе облачном и огненном, рукою Моисея делал чудеса и знамения.

Можем ли мы доверить ему душу для спасения, когда он даже не мог сам войти в землю обетованную? Нет, не можем, да и сам Моисей не берет на себя этой смелости, а говорит во Второзаконии 18:15 ст.:

«Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой – Его слушайте».

Перейдем к личности Иисуса Христа. Кто Он?

ОБ ИИСУСЕ ХРИСТЕ

Моисей говорит о Христе (Второзаконие 18 глава 15–19 стихи) следующее:

«Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, – Его слушайте, так как ты просил у Господа Бога твоего при Хориве в день собрания, говоря: да не услышу впредь гласа Господа Бога моего и огня сего великого да не увижу более, дабы мне не умереть... Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему; а кто не послушает слов Моих, которые Пророк тот будет говорить Моим именем, с того Я взыщу».

Пророк Иеремия в 31 гл. 31–34 ст. говорит:

«Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: «познайте Господа», ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого, говорит Господь, потому что Я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомяну более».

Следовательно, после первого завета, заключенного на горе Синае через Моисея, евреям обещан второй завет, в котором Бог является милостивым – «грехов их уже не вспомяну более».

На Христа и Новый Завет есть еще много указаний в Библии, возьмем из них хотя бы некоторые.

В книге Бытие, в 3 гл. 15 ст. сказано:

«И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту».

В той же книге, 49 гл. 10 ст., Иаков, благословляя своих сыновей, пророчествовал:

«Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов».

В книге Числа, в 24 гл. 17 ст., пророк Валаам сказал:

«Вижу Его, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых».

В книге пророка Исаии, в 7 гл. 14 ст.:

«Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил».

Там же, в 9 гл. 6–7 стихи:

«Ибо младенец родился нам; Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира. Умножению владычества Его и мира нет предела на

престоле Давида и в царстве его, чтобы Ему утвердить его и укрепить его судом и правдою отныне и до века. Ревность Господа Саваофа соделает это».

Прочтем еще пророчество Даниила, которое может понять всякий: и развитый и неразвитый, русский, еврей и магометанин. Дан. 9 гл. 25–27 ст.:

«Итак знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седмин и шестьдесят две седмины; и возвратится народ и обстроятся улицы и стены, но в трудные времена. И по истечении шестидесяти двух седмин предан будет смерти Христос, и не будет; а город и святилище разрушены будут народом вождя, который придет, и конец его будет как от наводнения, и до конца войны будут опустошения».

Пришествие Христа и наступление Нового Завета пророк Даниил связывает с восстановлением Иерусалима и с разрушением его, и с прекращением жертв и служений в Иерусалимском храме, чем он точно устанавливает время пришествия Христа и наступление Нового Завета. Пойдите теперь к евреям и спросите у них: приносят ли они жертвы? Есть ли у них священники и первосвященник? Совершается ли богослужение в Иерусалимском храме? Они ответят: «Ничего у нас нет». А спросите их: с какого времени все прекратилось? Они скажут: «Со времени кровопролитной войны с римлянами, более восемнадцати столетий тому назад». То есть, как раз в указанное пророками время, тотчас после пришествия Христа и утверждения Им Нового Завета.

Библия так ясно предсказала время и пришествие Иисуса Христа, что у нас не может быть никаких сомнений в том, что Он есть Сын Божий и Спаситель наш. Когда Иисус Христос приступил к Своему служению, то было засвидетельствовано о Нем, что именно Он Спаситель мира и Сын Божий. Свидетельство это было со стороны пророка Иоанна (о котором сказано и в Коране), в Евангелии от Иоанна в 1 гл. 29 ст. читаем:

«На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса Христа и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира».

И свидетельство было со стороны Бога, при крещении Иисуса Христа, читаем в Евангелии от Марка 1 гл. 11 ст.:

«И глас был с небес: Ты Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение».

Моисей и пророки предсказали пришествие Христа Владыки, а пророк Иоанн своим свидетельством и Бог голосом с небес удостоверили, что Иисус из Назарета – Сын Марии, именно и есть предсказанный Спаситель мира и Христос, Сын Божий.

Обратим еще раз наше внимание на жизнь Иисуса Христа и отсюда сделаем вывод – кто Он?

Дела, поступки и учение Иисуса Христа полны таких чудес и так изумительны, что превосходят все чудеса и всю мудрость Моисея и пророков. Евангелие говорит о них так:

«Слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют» (Мф. 11:5).

«...И ветры и море повинуются Ему» (Мф. 8:27), «... и дивились словам благодати, исходившим из уст Его... (Лк. 4:22).

Иисус Христос как раз жил той чудесной жизнью, какую и нужно было ожидать от Помазанника Божия и Спасителя мира, предвозвещенного пророками в Библии. И жизнь Его свидетельствует о Нем.

Смерть Иисуса Христа тоже выходит из ряда смертей: например, Моисея и пророков, потому что она совершилась точно в том виде и в том порядке, в каком была предсказана пророками. Например:

1). Унижение Иисуса Христа предсказано у пророка Исаии 53 гл. 2–3 ст.:

«...Нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и издевавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его».

Также 50 гл. 6 ст.:

«Я предал хребет Мой бьющим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания».

Многие места из Евангелий говорят, что с Иисусом Христом поступали именно так. Например, в Евангелии от Луки, 22 гл. 63–65 ст. рассказывается:

«Люди, державшие Иисуса, ругались над Ним и били Его; и закрыв Его, ударяли Его по лицу и спрашивали Его: прореки, кто ударил Тебя? И много иных хулений произносили против Него».

2). Мучения и казнь Иисуса Христа предсказаны у пророка Исаии (53 глава 4–8 ст.):

«Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? Ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь».

В Ев. от Луки, в 23 гл. 33–48 ст., описывается казнь Иисуса Христа:

«И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают. И делили одежды Его, бросая жеребий. И стоял народ и смотрел. Насмехались же вместе с ними и начальники, говоря: других спасал; пусть спасет Себя Самого, если Он Христос, избранный Божий. Также и воины ругались над Ним, подходя и поднося Ему уксус и говоря: если Ты Царь Иудейский, спаси Себя Самого. И была над Ним надпись, написанная словами греческими, римскими и еврейскими: Сей есть Царь Иудейский. Один из пове-

шенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унижал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю. Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма по всей земле до часа девятого: и померкло солнце, и завеса в храме раздралась по середине. Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух. Сотник же, видев происходившее, прославил Бога и сказал: истинно человек этот был праведник. И весь народ, сшедшийся на сие зрелище, видя происходившее, возвращался, бия себя в грудь».

3). Погребение у богатого предсказано у Исаии в 53 гл. 9 ст.:

«Ему назначили гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его».

Об исполнении этого пророчества мы читаем в Ев. от Марка (15 гл. 43–46 ст.):

«Пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия, осмелился войти к Пилату, и просил тела Иисусова. Пилат удивился, что Он уже умер, и, призвав сотника, спросил его, давно ли умер? И, узнав от сотника, отдал тело Иосифу. Он, купив плащаницу и сняв Его, обвил пла-

щаницею и положил Его во гробе, который был высечен в скале; и привалил камень к двери гроба».

4). Истинный смысл казни Христа предсказан у Исаии в 53 гл. 10–12 ст.:

«Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его. На подвиг души Своей Он будет смотреть с удовольствием; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет. Посему Я дам ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем».

Есть еще неопровержимое доказательство тому, что Иисус Христос есть Сын Божий и Спаситель наш, обещанный Богом и предсказанный пророками с начала. Доказательство это несомненно установленный факт – Его воскресение из мертвых, которое было предсказано Давидом в 15 Псалме 10 ст.:

«Ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление».

Воскресением Иисуса Христа Бог засвидетельствовал, что жертва умилостивления, принесенная Им за грехи мира, Богом принята и Сам Он взят на небо для ходатайства пред лицом Божиим.

Не вдаваясь в другие доказательства, которых еще очень много, на основании только приведенных дан-

ных мы можем убедиться, что Иисусу Христу можно доверить свою душу для спасения, чем скорее мы к Нему обратимся, тем лучше для нас, ибо только Он есть единственный и истинный Спаситель человечества.

Перейдемте теперь к рассуждению о Магомете – кто он?

О МАГОМЕТЕ

Ни один пророк ни одним словом не обмолвился о том, что в такое-то время, при таких-то обстоятельствах придет великий пророк Магомет. Если это Магомет говорил сам о себе, так его свидетельства мало: нужно удостоверение со стороны. А со стороны – ни Бог, ни Моисей, ни пророки, ни Христос – о Магомете ничего не сказали. То, что говорится в Библии о Христе как посланнике Божиим, к Магомету отнести никак нельзя, так как появление Магомета не совпадает со временем, на которое указывали пророки. Жизнь и смерть Магомета совершенно не такие, как описывались и предсказывались пророками. То, что сказано у пророков о Мессии, возможно отнести только к одному Иисусу Христу; ни к Магомету, ни к кому-либо другому предсказания пророков отнести нельзя.

Пришествие Магомета не предсказано, и о нем нет никаких свидетельств со стороны о том, что именно ему поручено Богом спасение человечества. Поэтому доверить ему спасение души крайне рискованно, и я никогда бы этого не сделал.

Послушаем теперь, что Магомет говорил об Иисусе Христе. В Коране сказано: читайте Евангелие, любите истинных христиан, у которых есть пресвитеры.

Понятно, что повелевая своим последователям читать Евангелие и любить истинных христиан, Магомет признает Иисуса Христа выше себя, а Евангелие Христа почитает как несомненную истину. Интересно теперь знать: подчиняются ли современные мусульмане повелению Магомета? Читают ли они Евангелие и живут ли по нему?

Выслушав это, старец-мусульманин спросил:

– Можно ли мне посещать ваши собрания?

– Пожалуйста, будем очень рады.

Старец стал ходить в наши собрания и присутствовал на них от начала до конца, слушая проповедь Слова Божия и пение духовных гимнов.